

Роман Кузьма

Иррегулярный
интеллект

16+

Роман Кузьма

Иррегулярный интеллект

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кузьма Р.

Иррегулярный интеллект / Р. Кузьма — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

В далёком будущем люди, расселившись по всей Галактике, продолжают испытывать затруднения с перенаселённостью. На одной из планет, Гейомии, назревает социальный взрыв... Маленькому мальчику Диммору, лучшему выпускнику Школы, предстоит пройти через все сложности и коллизии мира взрослых, его ожидают: подлость, предательство, преступление, даже Революция. Он безжалостно движется к вершинам власти, меняет имя на более благозвучное, тело - на более сильное... Его мир выгорит дотла. Выживет ли душа?

Роман Кузьма

Иррегулярный интеллект

Глава I

Диммору исполнилось четырнадцать, и по законам Гейомии он уже считался совершеннолетним. Этот относительно невысокого роста ученик Школы был полноват, его круглое лицо утяжеляли пухлые щёки. В целом, его внешность обладала приятными и располагающими к себе чертами: аккуратно расчёсанные каштановые волосы, магнетический взгляд серых глаз, неожиданная для мальчика его возраста опрятность. Диммор любил подолгу простаивать у зеркала, изучая там своё отражение – иногда напускал на себя задумчивый вид, порой – гневный или просящий; Воспитатели полагали, что он действительно упражняется в актёрском мастерстве, а не бездумно корчит рожи.

Не слишком энергичный, в отличие от своих непоседливых сверстников, Диммор всё же зачастую верховодил ими, вероятно, потому, что обладал редкими и для убелённых сединами старцев качествами – вдумчивостью и уравновешенностью. Воспитателей из числа Регуляров он всегда слушал внимательно, впитывая каждое их слово как губка. Сам говорил взвешенно и обдуманно. Естественно, именно он набрал наивысший балл в выпускном классе.

Со столь высокими академическими результатами Диммор вполне мог рассчитывать на место в Космофлоте – по крайней мере, так говорили Воспитатели, а они никогда не лгали ученикам – Диммор сам неоднократно проверял их слова.

Мальчик знал, что неподалёку от Школы действительно находится космопорт, в котором постоянно садятся «челноки», равно как и то, что и Школа, и космопорт расположены в огромном городе, именуемом Туфа.

Туфа являлась столицей планеты Гейомия и административным центром четырёхмерного галактического сектора, включающего все миры их системы, в том числе необитаемые, и несколько астероидов, на которых велась добыча полезных ископаемых. Город, возникший как перевалочный пункт, место отдыха космонавтов, постоянно расширялся, и всего пару веков спустя после основания уже занимал большую часть континента под названием Туфагия.

Мир не устроен справедливо, и это Диммор тоже знал. Из нескольких миллиардов жителей Туфы лишь около полутора миллиардов значились в регистре как привилегированная каста Регуляров, в то время как остальные, не всегда поддающиеся учёту, именовались Иррегулярами.

Деление на Регуляров и Иррегуляров отличалось простотой, доступной даже детскому разуму: первые получали доступ к еде, воде, теплу, сну и прочим благам, сообразно чётким нормам, определённым законом, в то время как вторые имели право воздерживаться или, наоборот, злоупотреблять радостями жизни, как им будет угодно.

Закону, строго говоря, было начхать на то, чем питаются и чему радуются Иррегуляры.

Диммор к своим четырнадцати годам уже успел привыкнуть к регулярно выдаваемой пище в однообразной жестяной посуде; он знал все достоинства и недостатки подобного образа жизни, и вне привычной социальной ячейки, тёплой, уютной и гарантированной, не мог себя даже представить.

И вдруг его, лучшего выпускника Школы, не допустили к постдипломной подготовке! Когда Диммор узнал об этом, то не выдержал и расплакался. Потом, утерев слёзы, он явился в кабинет к Директору и потребовал объяснений. Он знал, что, пока всё не утверждено официально, решение ещё можно изменить. Но знал он и то, что Воспитатели никогда не лгут. А уж если Директор говорит, что Диммору не только постдипломного курса, но и удостоверения Регуляра не видать, значит, так и будет!

Отчаяние придало мальчику храбрости, и он начал повышать голос, как делал это неоднократно в спорах со сверстниками. Он даже дошёл до того, что ещё неделю назад сам назвал бы святотатством – ударил кулаком по директорскому столу. Директор только мягко улыбнулся в ответ и закивал, словно ему стала доступной некая истина:

– Диммор, я вижу, что в твоих жилах течёт кровь Иррегуляра. Тебе нравится нарушать режим.

Диммор почувствовал, как на его глазах выступили слёзы. Он не заслужил такого отношения! Долю секунды он колебался, какую тактику избрать – мольбы или угрозы, а потом вдруг, будто поняв, что Директор его провоцирует, остыл и холодно, почти угрожающе заявил, что всё равно станет Регуляром.

Директор отрицательно покачал головой и приказал ему выйти из кабинета. Немедленно последовало совещание с Натоньяром и Бастроком, наиболее преданными помощниками – разумеется, за закрытыми дверями.

Диммор ощущал себя триумфатором – ведь Директор казался явно встревоженным поведением выпускника, и это давало определённую надежду. Всегда источавший ореол силы и непоколебимой уверенности, всесильный и всеведущий, Директор дрогнул перед ним, Диммором! Видимо, правду говорили взрослые, утверждая, что в нём сокрыт большой потенциал. А ведь они, Воспитатели, никогда им не лгали.

Глава II

Директор оторвался от чтения нашумевшей электронной книги «И зови его после смерти» известного в Галактике писателя Ле Сажа и стал молча разглядывать стоящих перед ним Воспитателей. Одетые в одинаковую салатную униформу специальных учебных учреждений, те, однако, отличались и внешне, и, что важнее, психологически.

Бастрок, молодой двадцатипятилетний мужчина, имел редкие для туфанца светлые волосы; льняную шевелюру свою он всячески холил, пользуясь дорогими шампунями. Нареканий по службе, впрочем, не возникало, так как в рабочее время причёска эта всегда скрывалась под стильной сеточкой.

Отличаясь достаточно хрупким телосложением, Бастрок, тем не менее, ходил величаво, ежеминутно поворачивая надменно вздёрнутый подбородок то в одну сторону, то в другую; так он давал понять окружающим – перед ними не какой-нибудь потомок *хинду*, а чистокровный блондин. Он слыл очень общительным, умел найти подход даже к самым замкнутым и буйным ученикам и в целом мог считаться примерным сотрудником.

Натоньяр являлся полной противоположностью Бастроку: замкнутый, лысеющий мужчина сорока пяти лет, мощного сложения.

– Он ударил кулаком по этому самому столу! – Директор несколько раз ударил по столешнице ребром ладони. Воспитатели угрюмо кивнули – Диммор явно позволил себе лишнее. Уверенные, что выпускник, находящийся сейчас за дверью, их не слышит – все помещения Школы были звук изолированными, – они могли спокойно обсудить возникшую проблему. Бастрок, как обычно, взял слово первым, опередив своего товарища, тяжеловесного в движениях и мыслях.

– Вы отказали ему в курсе постдипломной подготовки, – начал он осторожно, и, дождавшись согласного кивка Директора, продолжил уже более уверенно. – Диммор имел наивысший уровень интеллектуального развития в классе. Он не мог не возмутиться.

Натоньяр кивнул, поддерживая Бастрока:

– Курсы *спецстукачей* – их шанс стать Регулярами.

Директор неприязненно посмотрел на Натоньяра. В действительности у того уровень интеллекта был даже ниже, чем у Диммора, и Директор, принимая его на работу, подделал документы. Натоньяр, в свою очередь, никогда не забывал, чем он обязан своему благодетелю.

– Курсы спецстукачей, *мой друг Натоньяр* – их единственный шанс стать хоть кем-то. Как тебе отлично известно, у нас здесь необычный контингент.

В Школе учились дети с отклонениями умственного развития – врождёнными или, большей частью, приобретёнными в младенческом возрасте.

Гейомия готовила собственных космонавтов, военных, технических специалистов и управленцев, даже учёных. Наука, за тысячи лет покорения космоса достигшая высочайшего уровня, стала неподвластной обычному человеку – даже потратив сотни лет на изучение какой-либо дисциплины, можно было освоить лишь малую частичку необходимых знаний.

Выходом из сложившейся ситуации стали нанобиоимпланты, вживляемые эмбрионам в период, пока кости черепа ещё не отвердели, а ткани коры головного мозга – не оформились. Если всё проходило нормально, имплант становился такой же частью организма человека, как и любой другой его орган, давая одновременно новые сверхспособности – навыки сложнейших вычислений, феноменальная, по меркам прошлого, память, в общем, что угодно. Информация загружалась непосредственно в мозг при помощи вживлённого радиомодема.

К глубокому сожалению, далеко не все операции завершались успешно. В таких случаях детей, если они родились живыми, отправляли в Школу, где они росли, отделённые от остального мира звуконепроходимыми стенами и высоким забором с колючей проволокой. В большинстве случаев у детей обнаруживали умственные и психические изъяны, и, когда те достигали четырнадцатилетнего возраста, их отправляли на постдипломную подготовку. В данном случае это означало: курсы спецстукачей, или, более официально, Курсы Специальных Информаторов-Регуляров, сокращённо – КСИР.

Операция по превращению в спецстукача проходила относительно безболезненно: пациентам делали общий наркоз, а потом срезали крышку черепной коробки. Часть головного мозга удаляли, заменяя его дешёвым и надёжным имплантом. Затем крышку при помощи лазерной пайки и титановых скоб закрепляли обратно – и новый член многотысячной армии КСИР начинал своё бескорыстное служение обществу. Спецстукачи обычно ничего не помнили из своей прошлой жизни и не ощущали никаких волнений по этому поводу, а даже если бы и ощущали, их действия всё равно подчинялись командам суперкомпьютера полицейского управления.

Директор приосанился. Поправив воротник, он произнёс небольшую, заготовленную заранее речь.

– Мальчик слишком умён, чтобы я позволил вынуть ему мозги и подключить то, что осталось, к розетке. Диммор – первый за долгое время выпускник Школы, набравший тридцать баллов по итогам теста общего интеллектуального развития. Уже в раннем детстве он демонстрировал выдающиеся умственные способности, донося на одноклассников и обманом отбирая у них пищу и игрушки. Я не хочу, чтобы он погиб, пропал, затерялся среди бессчётного количества неодушевлённых роботов КСИР. Единственный способ предотвратить подобную трагедию – сделать из него Иррегуляра. Это не такая уж плохая судьба для мальчика – кто знает, возможно, он будет неплохо зарабатывать и постепенно обретёт сознание.

Натоньяр удивлённо воззрился на Директора. Он даже проявил неосторожность, высказав свои сомнения вслух:

– Зарабатывать? Где, как? Они не в состоянии даже...

– *Люди* помогут, – холодный, как космический вакуум, взгляд Директора, поверг Натоньяра в замешательство. – Бастрок ведь у нас подрабатывает в гостиничном бизнесе, правда? Он кое-что знает и о запросах *людей*, и о том, что с ними не спорят.

Бастрок покраснел и горячо закивал головой. Он, подобно многим представителям передовой молодёжи, имел привычку отлучаться в одну из гостиниц по вызову клиентов, желающих развлечься по-настоящему; так они причащались к галактической культуре и зарабатывали полновесный палладий. Все космические корабли, проходившие мимо Гейомии, останавливались на орбите для профилактического ремонта, в то время как множество туристов устрем-

лялось в Туфу. Возбуждённые дешёвизной местных проституток и проститутов, они предавались здесь всевозможным порокам, и намёк Директора был вполне понятен. Однако оставалось одно затруднение, и Бастрок не преминул о нём напомнить.

– Не так просто всё организовать, особенно если мальчик не соглашается. От курсов спецстукачей его может избавить только подписанный им же отказ.

– Они не умеют читать и писать, – ответил ему Натоньяр. – Даже тесты им приходится...

– Я знаю, – нетерпеливо махнул рукой Директор. – Правда, Диммор, вроде, освоил какие-то слоги...

– Мы не уверены, возможно, он их запомнил – или угадывает, – сказал Бастрок, тряхнув своей косичкой. – Чтобы утвердить заявление по форме «Регуляр/Иррегуляр», ему придётся прижать большой – или любой иной – палец правой руки к дактилоскопическому сенсору. Разве что...

Посмотрев Бастроку в глаза, Директор увидел там огонёк понимания.

– Он ударил кулаком по этому столу! – Директор ликующе, словно произнося приговор, опустил свою волосатую пятерню на пластиковую крышку.

Воспитатели согласно кивнули и вышли в коридор, им предстояло выполнить непростое, но важное дело. Директор, подключив приборы внешнего наблюдения, с явным удовольствием наблюдал, как Диммор безуспешно пытается оказать сопротивление двум взрослым мужчинам.

Глава III

Летающее такси, гудя поворотными реактивными турбинами, зависло на мгновение в какой-то грязной подворотне, затем спустилось почти к самой бетонированной, растрескавшейся поверхности; дверца распахнулась и из салона вывалилось тело Диммора несостоявшегося спецстукача. Термоядерный двигатель взревел и, выбрасывая струи голубого пламени, автомобиль улетел прочь.

Четырнадцатилетний подросток, завывая от боли и обиды, прижимал к груди обрубок правой руки; он сидел рядом с какой-то лужей, в которой кривилось его подёрнутое рябью отражение, и плакал. Ему ещё повезло, что Воспитатели обработали рану – остановили обильное кровотечение и присыпали порошком кожного восстановителя. Вскоре – через считанные дни, как они обещали – Диммор станет обладателем аккуратной культяпки вместо той омерзительной руки бунтовщика, что непроизвольно осуществила акт мятежа.

Спорить с таким приговором было бессмысленно – бунтовщиков, действующих сознательно, и вовсе обезглавливают.

Теперь Диммор действительно стал Иррегуляром – причём Иррегуляром безвестным, ведь опознание по отпечаткам пальцев правой руки теперь невозможно. Смеющиеся Бастрок и Натоньяр неоднократно ему об этом говорили на пути в Ишкедон, наиболее мрачный из районов Туфы. Диммор, содрогаясь, снова вспомнил, как они прижали его в коридоре у кабинета Директора, а потом Воспитатель Бастрок, отвратительно улыбаясь, извлёк из внутреннего кармана лазерный скальпель...

Мальчик ощутил, как его штаны стали мокрыми, и ощупал их – это было что-то тёплое; поднеся пальцы к носу, он уловил резкий запах мочи. Это была наиболее унижительная новость за день, однако новоявленный Иррегуляр, как ни странно, почувствовал себя лучше – возможно, оттого, что он ещё способен хотя бы на что-то.

Обмочиться – потолок его способностей.

Несмотря на инъекцию болеутоляющего и лекарств, именуемых «ати-био-ти-ами», боль, тем, не менее, не утихла, а только становилась всё сильнее с каждой секундой.

Оглянувшись по сторонам, Диммор обнаружил, что находится в тупике, заканчивающемся стеной из полимерного моноблока, испещрённого различными надписями и рисунками, от одного вида которых ему сделалось ещё хуже. С обеих сторон нависали серые громадины домов; повсюду валялся гниющий мусор, от которого шёл омерзительный запах.

Продолжая плакать, Диммор встал и, пошатываясь, направился к выходу из тупика. Чтобы пройти на смежную, достаточно оживлённую улицу, следовало воспользоваться крытым переходом, проложенным прямо сквозь один из домов. Диммор замер, не доходя до подъезда десятка шагов: оттуда несло чем-то, что, должно быть, протухло десять лет назад – и с тех пор только накапливало зловонные газы.

Мальчик с трудом подавил тошноту; он услышал исходящие, вероятно, из того же источника странные чавкающие звуки, но, как ни всматривался, не смог никого разглядеть.

– Кто там? – его голос дрогнул, но всё-таки это было уже что-то. Бастрок и Натоньяр посеяли в его душе страх, лишивший дара речи – и ещё минуту назад ему казалось, что навечно. Однако собственная храбрость, способность преодолеть стресс придали Диммору сил. Он приободрился. *Директор и Воспитатели, они ещё ответят ему!*

– Эй, есть там кто? – В складках тьмы очертания существа, которое так громко чавкало, расплывались. Наконец, решив, что это просто животное, вероятнее всего, мутакрыса, Диммор сделал первый шаг. Шаг в темноту... и в воду. Вода доходила ему чуть не до щиколоток, она даже проникала внутрь непромокаемых ботинок.

Он начал ступать на носках, каждый раз рискуя запнуться и упасть – всё же, думал подросток, это лучше, чем ходить потом с мокрыми ногами, ведь так можно простудиться. Простудиться! Диммор беспомощно всхлипнул. Ему отрубили руку, а он боится подхватить насморк.

Чьи-то сильные пальцы, холодные, как смерть, ухватили его за плечо. От неожиданности Диммор подпрыгнул, но незнакомец крепко держал его. В сумраке виднелся лишь неверный контур его фигуры; изо рта мужчины исходила вонь, по сравнению с которым нужники Школы ещё казались благоухающим цветником.

– Кто ты? – выдавил Диммор. Удивляло, насколько тихо звучит его голос, особенно по сравнению с громогласным, чуть надтреснутым басом взрослого Иррегуляра.

Послышался смех, такой же уродливый, как и голос незнакомца. Ему вторил другой, сипловатый – видимо, нападавших было как минимум двое.

– Слышишь, Жук? Мальчишка не знает, кто я! – Оба голоса гулко расхохотались.

– Ты что, никогда не слышал о Кавониусе? – второй Иррегуляр – Диммор всё ещё не мог отнести себя к этим монстрам – подошёл вплотную. От него исходил точно такой же запах пота, гнили и нечистот, что и от его напарника.

– Фу, Кавониус, я думал, это ты – сточная канава, но он воняет ещё хуже...

– Да он обмочился, – ответил Кавониус, всё так же цепко державший пленника, который безуспешно пытался освободиться. – Смотри-ка, у него руки нет, это, наверное, затем, чтобы его не смогли опознать.

– «Опустили» мальчонку, это верно, – чуть смягчившись, произнёс Жук. – Что, из Школы для этих?..

Диммор догадался: неопределённый жест, который проделал Жук в темноте вокруг головы, является намёком на глупость. Тем, не менее, язык будто снова к нёбу присох – он не мог выдать ни слова.

– Да наверняка, – ответил за него Кавониус. – Они там все – дети космонавтов, только не все космонавты, взявшись делать детей, протрезвели!

Видимо, эта плоская шутка показалась Иррегулярам очень смешной, они прямо расхохотались.

– Да не все и людьми были!

– ...И они не платят алиментов!

Чуть успокоившись, Жук и Кавониус продолжили допрос, подкрепляя свои слова зуботычинами. Так, очень быстро вся его история, на удивления никчёмная, уложилась в несколько фраз, чередующихся с хныканьем.

– Да, всё как Пополам говорит – Директор их продал паренька...

– Тише! Мыши слышат...

Иррегуляр осмотрелся по сторонам. Диммору показалось, что Жук поёживается, словно ему вдруг стало холодно, хотя, как уже знал мальчик, это было связано не с холодом. Значит, и эти гадкие существа чего-то боятся.

– Да, продал... А руку-то, поди, разделали и школьникам на обед подали.

– Ещё бы – это ж экономия, притом в свой карман!

Жук осмотрелся по сторонам.

– Ладно, полезем, что ли?..

Со всё нарастающим ужасом Диммор смотрел, как Иррегуляр сдвигает канализационный люк и исчезает в вонючей дыре. Хотя он и сопротивлялся, кричал, звал на помощь, Кавониус, злорадно смеясь, затащил его туда, в хлюпающую бездну.

Глава IV

Столица Гейомии располагалась на поверхности, там, где светит солнце, дуют ветры, идут, пусть и кислотные, но дожди; туфанцы, всегда озабоченные лишь сегодняшним днём и поиском средств к существованию, даже не подозревали, что у них под ногами, отделённый лишь дорожным покрытием, расположен ещё один город.

Тем не менее, Туфа-канализационная существовала. Лабиринт сливных труб, тоннелей сообщения, используемых ремонтниками, паутина кабелей электроснабжения, боковые карманы, созданные по воле судьбы, в результате дрейфа горных пород, либо трудом человека – всё это стало звеньями улиц и проспектов подземного города Иррегуляров.

Первые беженцы пришли сюда десятилетия, если не более, назад. Они вырыли шахты-жилища, подключились к коммуникациям – и зажили в своё удовольствие. Власти неоднократно устраивали на обитателей подземелья облавы, но тщетно: несмотря на победные репортажи, ничего не менялось – арестовав одного-двух Иррегуляров, полицейские убирались восвояси. Бывало и хуже: шпики, констебли, агентура КСИР бесследно исчезали, и никто и никогда их не находил. Лишь изредка, демонстрируя «верху» свою силу, короли канализации устраивали представления: отводили стоки и пускали их снизу вверх под давлением – люки и решётки срывало, а на многолюдную площадь в центре города потоком нечистот вдруг выбрасывало тело в тёмно-синей униформе.

Диммор, выросший в Школе, такого, конечно, не знал, но кое-какие смутные слухи о том, что подземелье пропахло наркотиками и мертвечиной, долетали и до его ушей. Слышал он и ужасные истории о мутакрысах – крупных, размером с небольшую собаку, тварях, которые охотились даже на людей.

– Стой! – Жук, который шёл первым, предостерегающе поднял руку. Впереди что-то подозрительно шуршало; поняв, что это не могут быть друзья, он решил проявить благоразумие и не поднимать тревогу. Присмотревшись, он увидел силуэты нескольких существ, видневшихся в десятке-другом шагов. Они явно обгладывали что-то, подозрительно похожее на человеческое тело.

– Узнаёшь? – прошептал Кавониус своим надтреснутым голосом.

– Нет, слишком темно. Думаю, это Трег, он как раз собирался выйти.

Одна из мутакрыс обернулась в их сторону. Диммор никогда не видел этих чудовищ раньше, но более всего он был поражён даже не размерами крысы, а взглядом её жёлтых глаз – неожиданно разумным, будто парализующим каждого, кто осмелится в них посмотреть.

Немая сцена длилась секунду, может дольше. Потом мутакрыса пронзительно заверещала, оповещая своих сородичей. Теперь уже вся стая, не менее дюжины особей, повернулась к ним. Обмен трелями и рычанием свидетельствовал о том, что мутакрысы вступили в оживлённый спор.

– Решают, кто пойдёт в первом эшелоне, – мрачно пошутил Кавониус, вынимая нож.

– Их вывели специально для того, чтоб они охотились на нас – мне это один полицейский рассказывал.

– Я тоже это слышал, – Кавониус пренебрежительно сплюнул. – А потом оказалось, что эти твари грызут кабеля и нападают на мастеров. Было принято постановление – секретное, конечно, – в котором рекомендовалось способствовать переселению Иррегуляров в канализацию, так как они могут способствовать снижению популяции чудовищных мутантов.

Диммору последнее предположение показалось сомнительным: скорее уж новые Иррегуляры, став обедом для мутакрыс, поспособствую увеличению их «по-пу-йя-ци», чем смогут их истребить. Злобные, как дьяволы, существа, окружавшие их, казались порождением ночного кошмара: почти полностью скрытые водой, приближались они, тихо рыча и пища что-то на своём языке. Лишь жёлтые глаза, пылающие неутолённой жаждой крови, да острые белые зубы виднелись во тьме.

– Слышал я эту сказку. – Кавониус, не закончив фразу, сделал выпад в сторону тени, приблизившейся почти вплотную и внезапно атаковавшей его с резким визгом. Только стальное лезвие, угрожавшее смертью, принудило её отскочить. Остальные твари заметались; вот одна, а вслед за ней и другая и все остальные – вся стая неожиданно скрылась под водой.

Кавониус выругался и сплюнул, вернувшись к прерванному разговору:

– Но логика – их, Регулярская: что мутакрысы, что Иррегуляры – им на это начхать!

– ...Вот она! – закричал Жук и ударил обрезком трубы куда-то под ноги, подняв фонтан брызг.

– Вижу! – Кавониус размахивал ножом, отбиваясь от двух мутакрыс, то приседавших и отступавших, то вновь подходивших к нему. Наконец, одна из них бросилась на Иррегуляра; инстинктивно он прикрылся рукой, в которую тут же впились острые зубы; вскрикнув, Кавониус вонзил свой нож в тело зверя по самую рукоять.

Тьму прорезал громкий, почти человеческий вопль; из раны хлынула тёплая кровь. В то же мгновение вторая мутакрыса прыгнула на Кавониуса; пошатнувшись, он отступил, но не удержался на ногах и упал навзничь, громогласно ругаясь. Тварь терзала его, явно целясь в горло, а Жук бил её обрезком трубы, пытаясь отогнать.

Животное взвизгнуло, будто от боли, но, видимо, в крике его содержался скрытый призыв: тут же, словно отвечая на призыв о помощи, остальные мутакрысы бросились на Жука. Скрытый под их массой, он только беспомощно стонал. Диммор, остолбенев, наблюдал за всем, понимая, что ещё чуть-чуть – и очередь дойдёт до него.

В мгновение ока ситуация изменилась. Внезапно из бокового прохода выскочил великан, вооружённый клинком-моледиссемблером. Это было страшное оружие – оно генерировало поле, ослабляющее внутримолекулярные связи, что позволяло преодолевать любые преграды – моледиссемблер рассекал стальной рельс, как лист картона.

Каждый удар молекулярного диссемблера рассекал одну из мутакрыс надвое. Животные, визжа, пытались спастись бегством, но Иррегуляр, благодаря своему гигантскому росту и удивительной ловкости настигал их повсюду.

Не прошло и минуты, как их нежданный союзник управился со всеми крысами. Диммор, забрызганный кровью, молча стоял, не в силах шелохнуться, в то время как Жук и Кавониус, порядком потрёпанные, приветствовали своего спасителя.

– Пополам! Пополам!

Он вполне заслуживал своего прозвища: высоченный, значительно больше двух с половиной метров, Пополам по странному стечению обстоятельств – либо по капризу генетиков, а может, и против их воли – являлся наполовину негром, наполовину – белым. Не мулатом, а именно – «пополамом»: правая половина его лица была тёмно-коричневого цвета, в то время как левая сторона – белой, кавказского типа. Было заметно, что Кавониус и Жук подчиняются ему, исполин явно пользовался авторитетом.

Обернувшись к Кавониусу, Пополам спросил:

– Это он? – Диммор догадался, что речь идёт о нём, и представился.

– А кличка у тебя есть, однорукий?

– Да, в Школе меня называли Метром.

– Ну, роста ты действительно небольшого... – Лезвие моледиссемблера приблизилось к его лицу, позволив Диммору ощутить дыхание смерти.

Пополам хмыкнул.

– Ну, ладно, тогда как бы *пополам*... Будешь – Дим-Полуметр! – Диммор, вернее, уже Дим, услышал смех Кавониуса и Жука. Видимо, такое поведение их лидера никого не смущало и считалось нормальным.

Спорить в таких обстоятельствах было по меньшей степени неразумно, и Дим согласно кивнул.

Глава V

Сделав несколько поворотов, они прошли к проржавевшей, но довольно массивной чугунной двери. Камеру наблюдения или глазок заменяла массивная заслонка из того же металла.

Кавониус постучал условным стуком; послышался скрип давно не смазанных рычагов и шестерней – и заслонка приоткрылась, в окошке, закрытом к тому же бронестеклом, мелькнуло небритое лицо. Страж явно узнал спутников Дима, так как скрип, переросший в грохот, повторился – и дверь, весившая, наверное, не менее тонны, распахнулась.

Пройдя внутрь, Дим, пока взрослые обменивались приветствиями и новостями, первым делом рассмотрел устройство двери. Ещё в Школе он неоднократно ломал игрушки, пытаясь рассмотреть получше приводящие их в действие микросхемы и мини-двигатели; сперва Воспитатели воспринимали такие действия как проявление крайней отсталости, а потом, когда результаты его тестов оказались неожиданно высокими – как свидетельство явной одарённости.

Впрочем, тогда он так ничего и не понял в полупроводниках и микроэлектронике, сочтя их несолидными и глупыми изобретениями. Сейчас же Дим столкнулся с чем-то совершенно противоположным, и ему казалось, что дверь является по-настоящему дельным механизмом, исключительно сложной системой поршней, зубчатых передач и шарниров.

– Отойди, – небритый страж подвинул Дима плечом. Взявшись обеими руками за отполированную до блеска бесчисленными прикосновениями ручку большого колеса, закреплённого в специальном станке, он начал её вращать – шкивы передали усилие на вал с зубчатой передачей, в результате чего вся конструкция пришла в движение, и дверь медленно закрылась. Страж снова оттолкнул Дима, на этот раз – уже вовсе бесцеремонно, и взялся за такое же, но меньшего размера, колесо, пристроенное к самой двери. Щёлкнули засовы, вращение замедлилось – колесо пошло туже.

– Хорош, Велько, а то ещё прокладки передавишь или, не ровен час, что-то сломаешь. – Кавониус положил руку на плечо стражу. Тот нетерпеливо стряхнул её, но всё-таки отошёл в сторону.

– И прокладки давно пора сменить, и смазать всё хорошенько, – бросил Велько с раздражением, вытирая пот со лба.

– Да это всю машину перебирать! Кто этим заниматься будет...

– Действительно, Жук, это плохое занятие – «шариться» по помойкам и купаться в нечистотах гораздо интереснее! – Дим заподозрил, что в этих словах небритого заключалась *ирония* – качество, упомянутое однажды Воспитателями, но не вполне мальчику понятное.

– Дверь есть – и есть, – вступился за приятеля Кавониус. – А теперь смотри, *что* мы добыли!

Дим, когда на него указали, ощутил гордость оттого, что он в центре внимания – как-никак, лучший выпускник Школы. Даже боль в ампутированной руке на мгновение утихла.

– Мальчик – а что он может? Или его в котёл? – Велько потрепал Дима за щеку, а потом ощупал его плечи. – Вроде упитанный...

– Отстань! – Дим отбил его руку.

– Сейчас узнаем, – благодушно заметил Кавониус. – Может, не какая-то дрянь...

Самодовольно улыбаясь, Дим позволил отвести себя в соседнее помещение, оказавшееся лабораторией. Дистилляционные кубы, реторты и пробирки громоздились на стеллажах и столах, испуская токсичный дым. За старшего здесь был маленький сухонький человечек в грязном белом халате, разговаривавший о чём-то с Пополамом.

– Ага, вот и новый член нашего общества, – улыбаясь, заметил великан. Пухлые негри-танские губы правой стороны его лица растянулись в улыбке.

– Ну, почему же – член? – пошло захихикал тип в белом халате. – Может, он – задница?..

– Тихо. – Смех оборвался на одной ноте, словно его выключили. Пополам обернулся к вошедшим.

– Это – Дим-Полуметр, это – Чин-Полутаблетка, – представил он их, не скрывая чувства собственного превосходства. Дим вспомнил, что он – уже совершеннолетний, и протянул Чину руку; впрочем, от той остался лишь обрубок, и мальчик замялся. К такому было трудно привыкнуть, и он так и застыл – с протянутой культией и со слезами в глазах.

– Чинэль, также Таблетка – когда рядом нет Пополама, – Таблетка взял его за плечо и сжал, приветствуя. Самым странным в его внешности был нос: необычной формы, более всего похожий на птичий клюв, он казался чересчур крупным на нездоровом, измождённом лице.

Дим вновь посмотрел на Пополама. Тот держал себя как истинный лидер, похоже, он являлся здешним правителем, и нужно было всячески демонстрировать ему своё уважение – это был главный урок, которому учат в Школе. К сожалению, нарушив это правило единственный раз, в день выпуска, он лишился руки. Повторять подобную ошибку было нельзя.

– Мы могли бы тебя просто съесть, – объявил гигант громовым голосом, леденящим кровь. – Ведь у нас нет регулярного питания. Но я считаю, что каждый человек должен иметь шанс доказать, что он полезен.

Дим почувствовал, как штаны его снова намокают. К счастью, от него воняло так сильно, что на никто не обратил внимания на очередное «увлажнение». Пополам приблизился, нависнув, подобно горе – Дим как раз достигал уровня его талии, обвешанной различными орудиями убийства.

– Тебе отрубили руку сегодня – те, кто хотел лишить тебя регулярного питания. Но, кто сказал, что «нерегулярно» – значит «мало»? Ешь столько, сколько хочешь, бери от жизни всё! Рука? Руку можно пришить, можно сделать протез – ты ещё не видел Модулера, – но душу пришить невозможно. Так говорит Ргот, а его слова – дороже палладия и бронебойней уранового сердечника. Запомни это, Дим.

Ргот? Значит, Пополам здесь не главный? Мальчик ощутил чувство лёгкого разочарования.

Тяжёлая – нездорового, бледного цвета, но всё же невероятно сильная – рука опустилась на изувеченное плечо Дима.

– Но, чтобы доказать нам, что ты можешь стать одним из нас, ты должен внести определённую плату.

– Какую? – еле выдавил Дим. Ему очень хотелось стать таким, как Пополам.

– Ты отдашь ногу. – Из глаз мальчика брызнули слёзы, а штаны, бессильные более удерживать его непрерывные испражнения, начали протекать. На пол, одна за другой, падали капли, впрочем, в помещении, где постоянно что-то шипело и закипало, на это никто не обратил внимания.

– Не бойся – не всю ногу, только её часть. Тебе удалят внутреннюю часть бедра, там можно будет даже оборудовать тайник, чтобы прятать всякие ценные вещи. Что скажешь, нравится?

Дим поднял голову, посмотрев на Пополама снизу вверх. До светлого кожного профиля, на котором потрясающе смотрелась изогнутая чёрная бровь, было далеко, как до луны в ночном небе. И Дима страстно тянуло туда...

– Не знаю... Нога...

– Не бойся, Чин умеет делать всё чинарём. Он сделает тебе анестезию, боли ты не почувствуешь, а часть мышц перешьёт так, чтобы можно было ходить, не хромя. Бегать, конечно, не сможешь... Но разве мужчина имеет право убежать?

Дим неуверенно кивнул. Последнее, что он помнил, было хихикающее лицо Чина, склонившегося над операционным столом.

Глава VI

Уже на следующий день после операции Дим снова ходил. Конечно, левая нога была не та, что прежде – а когда он вспоминал о правой руке, ему и вовсе хотелось плакать, – но всё-таки мальчик ощущал, что более или менее здоров. Если бы ему задали такой вопрос, Дим, пожалуй, ответил бы, что доволен тем, как обстоят дела.

Но такого вопроса ему не задали. Здесь, как и в Школе, не в чести было задавать вопросы. Суровая, спартанская простота иррегулярного быта даже льстила Диму. А какое короткое, чёткое и лаконичное у него имя теперь! Звучит скупое и жёсткое, как и подобает имени настоящего Иррегуляра, сопротивляющегося режиму.

Ему выделили небольшой угол в общекомнате имени Льва Троцкого, очень похожей на ту, в которой он жил в Школе – только куда более грязной и заселённой отвратительными, по стандартам любого нормального человека, субъектами. Дим, однако, воспринимал их совсем по-другому – это была его новая семья. Он теперь находился дома, он чувствовал это сердцем и душой, и находил во всём свою прелесть. Немалое очарование крылось для него даже в непреодолимой вони, этом убийственном сочетании кислого запаха немытых тел, гниющих отходов, несвежей пищи – последние два понятия не всегда были различимы – и нестиранной одежды.

Если имелось желание, можно было задёрнуть занавески, и его койка на втором ярусе превращалась в маленькую укромную спальню, в которой он мог наслаждаться свободой и независимостью. Его дважды бесплатно кормили – оба раза это было мясо мутакрысы, – но, как объяснил Кавониус, рано или поздно Диму придётся самому добывать себе пропитание. Когда ему отрезали кусок ноги, по законам Иррегуляров считалось, что он как бы сделал взнос в общий котёл, а значит, получил право на доступ к кормушке.

– Но это только на самое первое время. – Кавониус значительно посмотрел на него.

– Понимаю, – Дим подумал, что с моледиссемблерным клинком он бы вполне смог охотиться на мутакрыс. – Пополам делает это с лёгкостью, и я...

Кавониус встал и заглянул Диму в глаза.

– Ты что, ничего не понимаешь, парень? – прошипел он. – Эта койка раньше принадлежала Трегу – Пополам отправил его на охоту одного, как раз перед твоим прибытием. Если бы не Трег, мы бы попали в засаду мутакрыс, и тогда бы нас ничто не спасло – голодные, эти существа гораздо опаснее.

– И что?.. – Дим заподозрил неладное. Кавониус наклонился к нему и перешёл на шёпот. – У Трега остались друзья, и кое-кто уже сейчас поговаривает, что его подставили, чтобы можно было тебя подселить. Если бы не Пополам...

Кавониус многозначительно замолчал и отошёл в сторону, начав вполголоса разговаривать с Жуком. Словно невзначай осмотревшись по сторонам, Дим понял, что слова его нового друга правдивы. То и дело он ловил на себе выразительные взгляды старожил, содержащие

немалую толику подавленного гнева – и даже откровенной ненависти, смешанной с презрением. Чтобы мысли не превратились в слова – или, тем более, в дела, – нужно было срочно что-то сделать – и, благо новоявленный Иррегуляр являлся лучшим выпускником Школы, выход из сложившегося положения был ему хорошо известен.

Вскоре Дим, громко объявив, что собирается отлучиться по малой нужде, покинул помещение. Едва очутившись за дверью, он стремительно, насколько это позволяли незажившие раны, пошёл в комнату, принадлежащую Пополаму. Он громко шлёпал ногами, обутыми в пластиковые ботинки, по затасканному линолеуму, подобранному, очевидно, на свалке, и мысленно репетировал будущий монолог. Это здорово помогало ему и раньше – планировать свои действия.

Пополам принял его, хотя и не ждал. Он как раз находился в компании девушки, более известной как Тик-Так. Тик-Так обладала соблазнительной фигурой; с красивого личика смотрели глаза цвета расплавленного серебра, а волосы её были прямо как золото – когда она встряхивала ими на свету, те сверкали, подобно дорогим украшениям. Тик-так, по слухам, обладала встроенными биочасами – те позволяли клиенту самому устанавливать характеристики полового акта: его продолжительность, количество оргазмов, вероятную беременность. Как поговаривали злые языки, хирургически изменённая матка Тик-Так позволяла ей забеременеть и успешно выносить ребёнка даже от животного или от представителя иной расы. Иногда такие клиенты посещали Гейомию и заказывали не только «базовые», но и «особые» сексуальные услуги. Конечно, Тик-Так была девушкой Пополама – а чьей ещё она могла быть девушкой? – но она была проституткой.

Пополам затянулся сигаретой, в которой к табаку явно был примешан наркотик, и, повернувшись к незваному гостю светлокожим профилем, раздражённо спросил:

– Полуметр, да? Какого рожна тебе надо?

Диму не стал ломать голову над составлением текста ответа. Воспитатели давно приучили их к тому, что всегда следует повторять собеседнику его же собственные слова.

– Я хочу быть членом общества, а не какой-то дрянью, Пополам.

Великан ухмыльнулся и переглянулся с Тик-Так. Та звонко рассмеялась.

– Да ты смышлённый малец, как я погляжу.

– Я уже совершеннолетний, – ответил Дим как можно более твёрдым голосом.

– Да, действительно, – Пополам стряхнул пепел в кружку с надписью: «Трезвость – путь к спасению». – Что скажешь, Тик-Так, найдём для парня какую-нибудь работёнку почище?

Могучая рука сжала девушку в своих объятиях. Тик-Так весело рассмеялась в ответ и затянулась сигаретой своего мужчины – в этот миг её тонкие пальцы переплелись с толстыми, словно стальные поручни, пальцами Пополама. Тот тем временем разглядывал Дима, словно ища в мальчике какие-нибудь скрытые таланты.

Наконец, двуцветный великан сказал, повернувшись лицом к своей возлюбленной:

– Слушай, а если его посылать в город за покупками или там передать что-нибудь?

– Ой, ну что ему можно доверить, – Тик-Так выдохнула дым в открытый рот Пополама и стиснула его губы своими на добрую минуту. Когда их пьянящий поцелуй окончился, светлокожий профиль вновь повернулся к Диму и подмигнул ему.

– Ну, хотя бы воду – для начала. Сможешь воду не расплескать, парень?

– Воду? – Диму это не казалось особенно сложным.

– Да, – кивнула Тик-Так, – воду. Чистая вода сейчас – большая редкость. В некоторых районах она ценится очень дорого. Вот такая кружка, наполненная до краёв, может стоить тысяч пятнадцать в «декретках».

– Декретки – а что это?

Тик-так и Пополам рассмеялись, поражённые наивностью их собеседника. Девушка, взмахнув изящной ручкой, ответила за обоих:

– Бумажные деньги, утверждённые президентским декретом взамен палладиевой монеты. Говорят, это временная мера.

– Ага, – хохотнул Пополам. – Уже лет пятьдесят говорят.

– Если бы некоторые самцы не размножились так быстро, монет бы на всех хватало, – Тик-Так ласково обхватила шею своего парня и поцеловала его в коричневые губы правого профиля.

– Люблю тебя с обеих сторон, – игриво проворковала девушка и, развернув лицо Пополама левой стороной, снова впиалась в его губы. Наконец, они оторвались друг от друга – ровно настолько, чтобы избавиться от «третьего лишнего».

– Вечером я сам зайду за тобой, – сказал двуцветный гигант. – Поведу тебя к серьёзным людям.

Истолковав последовавший небрежный жест как прощание, Дим удалился.

Глава VII

Тусклая лампочка без абажура, освещавшая общекомнату имени Льва Троцкого, то и дело мерцала – порой свет и вовсе тух, вызывая ругань игроков в «бриг», струдившихся за карточным столом. Проводку давным-давно источили неутомимые зубы мутакрыс, способные одинаково легко перегрызть как человеческие кости и сухожилия, так и изолированные кабели.

Дим, лежавший на своей койке, уставившись в потолок, ругался про себя, в то время как его товарищи-революционеры, азартно щёлкали картами. Игра казалась Диму слишком сложной, это был совсем не тот «бриг», к которому он привык; предшествовавшее партии политическое собрание понравилось ему гораздо больше. В Школе они пользовались специальной колодой, разделённой на четыре масти; карты с определённым количеством значков в форме космического корабля того или иного класса, раздавались на всех игроков. При розыгрыше первой взятки оппонент сдающего выкладывал карту вслепую – если твоя не соответствовала ей по масти, ты проигрывал, если же значки совпадали, то побеждал тот, кто положил карту с большим количеством значков.

«Бриг», в который играли в канализации – здесь на такое слово не обижались, – был куда более сложной игрой: разделённые на пары, картёжники долго торговались, обещаясь взять то или иное количество взяток. Масти имели свои названия: «флот Лиры», «эскадрилья Денеб» и тому подобное. Карты делились на классы, и один корабль был сильнее другого – но система, по которой они «гасили» друг друга, оставалась загадкой для Дима. Похоже, каждая масть давала своему классу преимущество, если он имеет парой определённый корабль – и противостоит определённому типу вражеского корабля.

Дим, сперва чувствовавший себя полным убожеством в компании настолько образованных людей, вскоре, однако, успокоил себя тем, что вот-вот придёт Пополам и уведёт с собой туда, где его ждёт ответственное задание и лучшая жизнь. Однако время шло, а светлокоже-чернокожий великан всё никак не появлялся. Дим подумал с горечью, что он, должно быть, просто забыл о своём новом подручном или ему просто не до этого.

А вдруг от выпускника Школы попросту отделились? Они все – взрослые люди, обладающие богатыми знаниями о мире – зачем им Дим? Может, они просто хотят его съесть? Страх, его всегдашний спутник, налил свинцом колени и облил неприятной испариной лоб, а потом, словно решив окончательно уничтожить Дима, стал подкрадываться к его горлу, постепенно перекрывая доступ воздуха в лёгкие. Дим задыхался...

Дверь, прогремев, открылась настезь – вошёл Пополам. Бросив на игроков обжигающий взгляд, он спросил – будто сирена заревела, – где находится Полуметр?

Слёзы радости увлажнили щёки Дима. Он спрыгнул с койки и, не обращая внимания на общежителей, подбежал к Пополаму.

– Пойдём, – сказал тот, – Ргот не любит ждать.

Головы присутствующих обернулись; они таращились на Дима во все глаза, будто мальчик спустился к ним с небес. В действительности так всё и было, ведь никто из них не проявил такой самоотверженности, как он, никто не согласился отдать собственную ногу ради спасения угнетённых бедняков. Он – уже фигура в Соппротивлении!

Высоко задрав нос, Дим, чуть прихрамывая, приблизился к двери. То, что Пополам, двинувшийся следом, прикрыл за ним тяжеленную дверь, стало для Дима лучшей наградой за утраченные части тела и имени.

Подземный коридор, освещённый лампами, чей свет ежесекундно вздрагивал от перепадов напряжения, повернул несколько раз, прежде чем они подошли к лестнице, вмурованной в стену. Вверху виднелся люк с дактилоскопическим сенсором – такие же замки стояли на всех дверях в Школе. Значило ли это, что там живёт кто-то вроде Воспитателя – или даже Директора? Очевидно, да.

Дим стоял у лестницы в замешательстве, боясь сказать Пополаму, что не сможет взобраться самостоятельно – искалеченные конечности его слишком ослабли. Боясь, что великан накричит на него или накажет, мальчик устремил в него заискивающий взгляд, в то же время пытаясь придать лицу виноватое выражение.

– Не бойся, – рука, мощная как поршень гидравлического пресса, обхватила его за талию и подняла, будто пушинку. Единственной рукой и обеими ногами Дим держался за Пополаму, пока тот лез вверх. Запор открылся, едва к нему прикоснулся палец коричневой руки, тут же откинувшей крышку люка в сторону.

Глава VIII

Ргот, повелитель Иррегуляров, принял своих гостей в помещении, которое, по меркам Канализации, вполне заслуживало того, чтобы его называли тронным залом. Можно было, конечно, сказать, что речь идёт всего лишь о крытом ангаре, расположенном где-то на окраине Туфы, который бездомные переоборудовали для собственных целей, но так мог говорить только тот, кто ничего не знал о грязи, мраке и ужасе, скрытом в недрах мегаполиса.

Здесь же, в лучах солнечного света, пробивавшегося сквозь несколько маленьких окошек под потолком, любой подданный ощущал, что стоит перед королём. И Ргот был достоин того, чтобы его называли королём: сидя на троне, покрытом голографической позолотой, он пристально разглядывал посетителей, пока его пальцы гладили волосы Тик-Так, усевшейся тут же в ногах.

Дим замер, поражённый видом тайного властелина отверженных туфанцев: голова, неестественно крупная и почти идеально яйцевидная, казалась нарочно созданной для того, чтобы генерировать и хранить гениальные мысли. К тому же она являлась совершенно безволосой. Не выбритой наголо, не облысевшей, а именно безволосой. Почему-то, даже сам не зная, почему, Дим был совершенно уверен, что на этой голове за всю жизнь не появилось ни единого волоска. В центре лба находилось нечто вроде шишки или большого мозоля, наверняка, возникшего в результате неусыпного умственного труда.

Шишка эта напомнила Диммору слышанную им в Школе от одной из Воспитательниц сказку о покорившей Вселенную сверхрасе – последние её представители, полубоги от рождения, якобы до сих пор тайно существовали среди людей.

Тело Ргота, затянутое в синий бархатный костюм, богато украшенный драгоценностями из палладия, было на удивление маленьким, почти таким же, как у Дима. Тот немедленно заподозрил, что подобное сложение, вероятно, является отличительной чертой всех гениальных людей.

Лазер, вспыхнув, пронзил, подобно игле, разделявшее их пространство и прошёл по Диму, словно ощупывая его. Посмотрев на источник, из которого исходил луч, выпускник Школы едва подавил изумлённый вопль – это был левый глаз Ргота!

– Удивлён, мальчик? Это – протез, он может испепелить тебя, если ты злоумышляешь, – ласково произнёс Ргот. – Я вставил его в далёкой молодости, и до сих пор он безупречно служит мне. Второй мой глаз содержит инфравизор, а в клыки вмонтированы раскладные иглы, впрыскивающие в противника яд из ампулы, расположенной в челюсти. Удивлён? Ты ещё не видел Модулера...

Дим даже не знал, что ответить, а когда попытался сказать хоть что-то, Пополам его просто заткнул оплеухой, от которой подкосились ноги. Когда говорил король, здесь было принято молчать.

– Но все эти устройства – просто игрушки по сравнению с моим врождённым даром, третьим глазом, – Ргот прикоснулся сухонькой ручкой к выступу на лбу. – Я – потомственный Иррегуляр, родившийся в подполье, и при рождении мне сделали операцию, оказавшуюся успешной – мой биоимплант позволяет генерировать ультразвуковое и инфразвуковое излучение. Благодаря волнам первого типа я вижу твои внутренние органы, мальчик, а перейдя в режим «инфра», я способен повергнуть тебя в ужас.

При этих словах Дим ощутил вспышку животного, словно пропускающего его нервы сквозь мясорубку, страха. В глазах его заблестели слёзы. Ему захотелось убежать из этого зала, упасть на колени, нет, целовать пол у ног Ргота...

– Ну, ладно, будем считать, что я представился, – насмешливый голос владыки вернул Дима в реальность. – Теперь – твоя очередь.

– Дим. Дим-полуметр.

– Ага, тебя уже *отпополамили*... А полное имя ещё помнишь?

– Диммор, – это слово, как пуля, сорвалось с уст мальчика.

Ргот снисходительно улыбнулся.

– Когда-то и я носил другое имя... Возможно, ты ещё вернёшь себе своё – или заслужишь новое... Или ты хочешь остаться Полуметром?

Тик-Так звонко рассмеялась, и смех её был словно пощёчина. Ргот умел их наносить чужими руками, используя то Пополама, то Тик-Так. Кто знает, что ещё у него есть в запасе?

– Я хочу быть полезным людям...

– Господин Ргот. – Огромная голова чуть покачнулась на хлипких плечах; благожелательная улыбка, впрочем, не оставляла старческое лицо.

– Да, господин Ргот... я хотел помочь людям – доставить воду в другой район.

Король отщепенцев помолчал несколько мгновений, задумчиво разглядывая Дима, а потом ответил:

– Когда ты выйдешь отсюда, то действительно этого захочешь... Пока же я вижу лишь желание стать шестёркой... Модулер!

Откуда-то из тени выступил человек, вернее, существо, отдалённо похожее на человека, а возможно, некогда и являвшееся им: причудливая конструкция из хрома, стали, биоимплантов и плоти, как своей, так и синтетической. Модулер всё ещё сохранял антропоморфность, однако отличить его от биоробота, неодушевлённой куклы, мог лишь очень искушённый наблюдатель.

– Что вам угодно, господин?

– Мальчик хочет доставить пакет воды жаждающим.

– Алчущим, мой господин, – Модулер рассмеялся. Если у Дима и были насчёт него какие-то сомнения, сейчас они исчезли – безумие и извращённость чужды роботам, а смех этот издавало существо, явно утратившее всякие представления о разумности и морали.

Словно подтверждая эту мысль, Модулер вдруг швырнул на пол кисть собственной правой руки – она отвалилась, словно перчатка, и, проехав до середины зала, продолжила своё движение, явно при помощи скрытого электромотора. Лазерный луч, вырвавшийся откуда-то из-под потолка, осуществлял питание этой машинки, стремительно ползущей, подобно соро-

коножке, на множестве маленьких стальных лапок – те при каждом шаге по металлопластиковой поверхности издавали цокающий звук.

В дальнем углу оказался потайной сейф – его крышка сдвинулась под нажатием пальцев самодвижущейся руки. Взобравшись по стене, рука набрала код и, когда сейф открылся, вынула оттуда пакет с полупрозрачной жидкостью – а потом проделала всю процедуру в обратном направлении.

– А ну, иди ко мне, моя дорогая, – Модулер наклонился и под смех присутствующих с ляганьем присоединил руку обратно. – Что там у тебя, где тайник?

– У него полость в левом бедре, – ответил Ргот с высоты своего трона. – И не забудь сделать внушение, а то ещё сдаст нас Полирегулярам...

Бедро Дима открылось, обнажив кровоточащую, ещё не зажившую рану. Пакет тут же скользнул в тайник, и Модулер закрыл его, кое-как примотав повязку обратно.

– Ты не бойся, – проскрежетал голос, исходящий, вероятно, из микродинамиков. – Полирегуляры боятся всяких болячек, и копаться в тканях не станут. Теперь посмотри мне в глаза, сейчас ты кое-что увидишь...

Дим подозревал, что совершает глупость, но всё же подчинился. Когда что-то больно укололо его, мальчик вскрикнул, но Модулер не позволил ему вырваться. В глазу механизированного Иррегуляра вспыхнули светодиоды, и Дим увидел прямо перед собой, словно воочию, несчастных, иссушённых жаждой людей, умоляющих полицейских дать им хотя бы каплю воды. Но сытые, розовые лица блюстителей порядка не проявили и капли милосердия. Они обрушили на спины и плечи просителей электродубинки. Зашипел излучатель-моледисемблер, разделяющий сморщенные от обезвоживания тела на куски, истекающие кровью...

Видение исчезло. Дим, потрясённый этим невиданным зрелищем, даже не слышал объяснений Модулера, что это была проекция непосредственно на сетчатку глаза, а не галлюцинация.

– С ними это всё случилось на самом деле, я показал тебе запись реальных событий!

Голос Модулера, казалось, доносился сквозь вату – наркотик, который он впрыснул Диму, уже начал действовать. Мысли становились лёгкими, будто невесомыми, и яркими, прямо ослепляющими, а боль в искалеченной руке стихала. Силы прибывали с каждым ударом сердца – Дим чувствовал лёгкость в движениях, способность преодолеть любые трудности. Глядя в чуть плывущее перед затуманенным взором лицо Ргота, он спросил:

– Господин! Куда мне идти?

Глава IX

Мужчина и женщина находились вместе несколько часов. Начав с грубоватых ласк, постепенно перешедших единоборство с классическим и неизбежным финалом – семяизвержением, – они лежали теперь в постели, совершенно изнемогшие. Их тела едва соприкасались, и никто не мог найти в себе силы, чтобы начать всё снова, хотя женщина – и мужчина чувствовал это – не была удовлетворена. Она молчала, едва сдерживая своё недовольство, в то время как он, высокий и полный, лениво смотрел в окно, где птеродактили кружили над волнами в поисках добычи.

Дом, который не принадлежал мужчине, возвышался на небольшом утёсе, поросшем причудливым лесом из деревьев с красной, голубой, розовой листвой и ядовитыми для человека плодами. По прихоти заказчика, известного писателя, который сейчас отсутствовал, дом возвели на кронштейнах, выдающихся далеко вперёд над обрывом. В результате всегда можно было посмотреть вниз на беспокойные воды Огненного моря, а при желании – и совершить рискованный прыжок вниз с высоты двадцати метров.

Впрочем, смельчаки редко отваживались на подобные прыжки – и очень немногие из них выжили, – так как в воде кишмя кишели хищные твари. Ихтиозавры, жуткое и уродливое

порождение местной фауны, безуспешно пытались противостоять стаям бесчисленных генетически модернизированных пираний, которых специально создали для этой цели.

По утверждениям биологов, всего за несколько поколений оранжевые океаны планеты Соах окончательно очистятся. Потом легко можно будет избавиться от пираний, так как их генокод имеет один, заблаговременно встроенный изобретательными учёными, изъян. Являясь гермафродитами, они все без исключения крайне падки на чары самца, который на данный момент в их популяции отсутствовал.

Мужские особи генномодифицированных пираний являлись узкоспециализированными хищниками, питающимися исключительно своими сородичами. Достаточно запустить некоторое количество самцов в акваторию, чтобы те в достаточно короткий период уничтожили всю популяцию. В конечном счёте, они всегда оставались одни – и вымирали, сами не будучи способными дать настоящее потомство.

Мужчина, вспомнив об этом, встал и подошёл к обзорному окну, составляющем изрядный участок пола, чтобы полюбоваться морем – и, если повезёт, зрелищем гибели одного из «императорских» ихтиозавров, носивших характерный пурпурный окрас. Однако непогода, вследствие которой даже дом вибрировал, вынудила всех обитателей моря уйти под воду. Пришлось довольствоваться зрелищем волн цвета старой меди: те, вздымаясь могучими валами, несли на своих вершинах грязно-белую пену, чтобы обрушить её на посеревшие, в рыжих пятнах от непрерывных атак океана, скалы.

Слегка опечаленный тем, что зрелище оказалось слишком скучным, он вновь повернулся к женщине. Та, надменно улыбаясь, втянула живот и набрала в лёгкие побольше воздуха, отчего её грудь высоко поднялась, возбуждая в партнёре желание. Ноги женщины повернулись, демонстрируя полушария великолепных ягодич.

Мужчина, чуть улыбнувшись, сверился с часами – в результате нехитрых операций с генами, те являлись простой функцией мозга, определяющей время на основе комплекса показателей обмена веществ и активности собственных внутренних органов. Он не пользовался никакими имплантами, как то было популярно на отсталых мирах, поскольку зарабатывал достаточно, чтобы позволить себе наилучшее. Включая женщин.

– Как твой благоверный – не боишься, что он сейчас вернётся?

Он знал, в какое место бить: Юдифь, урождённая Ла Хэнк, терпеть не могла своего супруга, которому приходилось заниматься писательством, чтобы обеспечить её. Свернувшись клубком, она обхватила колени руками, потом разместила сверху свой аристократический подбородок, точно товар в лавке, и окинула любовника пылающим взглядом.

– Недавно он ударил меня! Роже знает, что я...

Мужчина рассмеялся:

– Роже знает, что *мы!*.. Не так он глуп, можешь в этом не сомневаться! – Его смех стал ещё циничнее. – А ты думала, что он постарается застать меня – и наказать, подобно всем праведным мужьям?

Судя по выражению её лица, всё именно так и обстояло. Он получил искреннее удовольствие оттого, что знал нечто, позволяющее превратить её разочарование в смятение.

– Знала бы ты, с кем он сейчас... Или ты думаешь, это только ты умеешь ублажать его литературного агента, чтобы тот запустил в тираж очередную негодную книжонку?

– Какой же ты мерзавец, Хью! – выпалила она, встав во весь рост. – И что, ты уже ничего не делаешь с ним? Ведь ты обещал...

Хью Бернс, преуспевающий литературный агент, терпеть не мог вырождающееся дворянство, способное только вздыхать над душещипательными романами – и, в отдельных случаях, даже писать их. Роже оказался большой находкой, позволившей добиться настоящего коммерческого успеха, однако звезда его явно клонилась к закату. Последний роман, о человеке, мнившем себя Богом, творцом планет и астероидов – и внезапно таковым и оказавшимся, – была

воспринято критикой, мягко говоря, неоднозначно. Кое-кто считал, что это оригинально, даже находились такие – любители галлюпана, конечно, Хью и сам им приплачивал за хвалебные рецензии, – которые превозносили Роже Ле Сажа – но они были в меньшинстве.

Подавляющее большинство отзывов носило разгромный характер. Заголовки вроде «Дешёвый писака претендует на место в истории», «Ле Саж свихнулся, совсем как его главный герой» и им подобные пестрели в электронных изданиях. Влиятельным людям стоило большого труда как-то закрыть тёмную бездну недовольства, готовую уже пожрать и издательство, от которого Хью зависел материально. «Фурукава», компания-владелец контрольного пакета акций, в конце концов, высказала недоверие, а этого было достаточно. Ле Саж как писатель действительно закончился, сомнений не оставалось. Его никто не примет, и Хью это отлично понимал.

Глядя в глаза женщине, которую, как ему порой казалось, он даже любил, Бернс улыбнулся и пожал плечами:

– Подавай на развод, пока ещё молодая и можешь найти себе другого. К тому времени, пока процесс закончится, ты не узнаешь Роже. Он уже не сможет написать хоть что-либо, достойное публикации.

В её глазах мелькнул страх.

– Развестись?..

– Руководство «Фурукава» им недовольно, а оно действительно всесильно. Ты же знаешь, какие они, в этих *нео-дзайбацу*... Нет прибылей – нет денег. К тому же этот роман Роже... Даже директора издательства, не говоря уже о редакторах или агентах вроде меня, дрожат, вспоминая о том, какой гром вызвал на наши головы твоего супруга. Конечно, я понимаю, тебе будет непросто, – Хью сделал шаг вперёд на кровать и обнял Юдифь за плечи, – но, поверь мне, твоя честь будет отмыта. Он ответит за всё – причём собственной головой!

При упоминании о фамильной чести в глазах Юдифь загорелся огонёк, её руки начали гладить плечи и грудь Хью.

– Как он будет наказан? Расскажи мне!

Хью коротко рассмеялся:

– О, его ожидает длинный путь. «Фурукава» недавно подписала контракт с правительством одной планетёнки на поставку редкого минерала – но заведомо невыгодный. За ними подобного не водится, и можно предположить ожидающийся крах местного рынка, общественные катаклизмы. Там и свои какие-то осложнения, я даже толком не знаю...

Он сжал её талию, а потом поднял левую руку, запрокидывая голову Юдифь для поцелуя. Она улыбнулась в ответ и, прикрыв глаза, подставила свои губы.

Её муж умрёт. Подобно многим женщинам бальзаковского возраста, она годами мечтала услышать эти слова – и, наконец, услышала.

Глава X

Тридцатимиллионный Ишкедон, один из двадцати шести районов Туфы за номером «19», далеко не первое десятилетие являлся первым по доле Иррегуляров среди жителей. Удерживал он, разумеется, и сомнительную пальму первенства по следующим видам преступлений: умышленные убийства, вооружённые грабежи, похищения и, конечно, торговля наркотиками. Проституция не считалась преступлением, равно как и сводничество – наоборот, правительство даже финансировало ряд программ, популяризирующих официальную регистрацию «ночных бабочек». Впрочем, от программ этих было мало толку, так как их саботировали сутенёры, не желающие платить налоги.

Ишкедон прославился своей теневой экономикой: десятки организованных преступных группировок конкурировали и порой сражались друг с другом «за тротуар», за лучшие условия ведения бизнеса, за доступ к водопроводам, наконец. Кстати, объём не дошедшей до потребителей воды являлся объективным показателем, отражающим численность Иррегуляров, ведь

все знали, что эти общественные паразиты незаконно врезают дополнительные рукава в водопроводы.

В канализации обитали подлинныя изгои, потенциальные враги государства, и Полисрегуляры дрожали, услышав вечером скрежет отодвигаемого кем-то канализационного люка.

Дим, осуществлявший свою первую курьерскую доставку, знал главное: полиция – это враг. Специфический, вызывающий тошноту запах, различимый, казалось, за десятки метров, позволял полицейским безошибочно определить «Иррегуляра К», как они их называли, поэтому курьеров подбирали обычно из новичков. Переодевшись в чистое, мальчик стал практически неотличим от жителей «верха», так как не успел ещё пропитаться нечистотами, намертво провонявшими всё их подземное жильё.

Несколько раз его путь пересекался с патрулями, но острый нюх правоохранителей, несмотря на хваленые генетические усовершенствования, не обнаруживал ничего подозрительного. Возможно, запах крови от ран глушил все остальные, а возможно, правдой были сказанные Пополамом на прощание слова: все полицейские получают свою мзду и не лезут, куда не следует, разве что им не оставляют другого выбора.

Дим, воспользовавшись трамваем на электромагнитной подвеске, через неполных полчаса оказался близ нужного дома по улице Яркосолнечной, назначенной местом встречи. Разноцветные, подобные мармеладкам, дома – голубые, красные, зелёные – лепились друг к другу, поражая своими причудливыми формами. Некоторые меняли форму или окраску в зависимости от погоды, другие могли медленно вращаться вокруг собственной оси, обеспечивая хозяину постоянный доступ солнечного света, третьи вдруг становились прозрачными, открывая любопытным взорам сторонних наблюдателей то, что происходит внутри.

Многое из увиденного Димом в таких жилищах ему не понравилось – зачастую это были сцены разврата, порой совмещённого с насилием. Проститутки работали, одновременно рекламируя себя; некоторые, наиболее успешные, делали просмотр своего «акта» платным. Как мальчик и подозревал, здесь ещё жили благополучные и состоятельные – по меркам Ишкедона – люди.

Они казались ему ханжами, продающими свою свободу и тело. Куда им до честного, скромного быта в общекомнате имени Льва Троцкого! Воистину, таким не свершить Революцию!

Наконец, к нему приблизился человек, уже знакомый по трёхмерной записи – тощий, высокий, с перекошенными, как у горбуна, плечами. Его звали Киссар.

– Кровь и мясо, – произнёс Дим пароль, который заучивал больше времени, чем провёл в пути.

– Вода для страждущих, – ответил Киссар. Как отлично помнил Дим, это был верный ответ. Они отошли в сторону; озираясь по сторонам, юный курьер увидел в стороне группу зевак, явно наблюдавших за ними, и подумывал было о том, чтобы немного выждать, но Киссар торопился.

– Не бойся, я их знаю. – Его рука, скрюченная ещё при рождении, на удивление ловко схватила пакет, едва он покинул тайник. Взамен Дим получил свёрнутые в рулон купюры, которые тут же спрятал в хранилище, вырезанное в его плоти.

– Всё, расходимся, что-то они на нас странно смотрят. – Киссар, не дожидаясь ответа, исчез, оставив Дима посреди улицы в одиночестве. К нему тем временем приближались те самые, вызвавшие его подозрения, ребята. Похоже, сделка привлекла их внимание.

Не сделал Дим и десятка шагов, как его окружили.

– Ты кто? Откуда? Говорить умеешь? Что ты здесь забыл? Всё, включая право ходить по Яркосолнечной, стоит денег – у тебя есть? – вопросы сыпались один за другим. Кольцо сжималось, парни – немногим старше его самого – вели себя всё более угрожающе. Один даже

извлёк нож-моледиссемблер. Сглотнув, посланец Ргота выдавил что-то в ответ. Его даже не стали слушать.

– Он прятал это в штаны – что-то вроде декреток.

– Да, точно, а ну-ка, стой на месте! – Дима взяли за руки, в то время как один из грабителей запустил ему руку в штанину. Лезвие моледиссемблера, приблизившись к самому носу, сделало совершенно бессмысленным любое сопротивление.

– Там рана...

– Да, в ней и ковыряй – в Канализации все попрошайки себе что-то отрезают.

– А если я заражусь? – спросил обыскивавший у главаря.

– Ну, к врачу сходишь. Там должны быть деньги. Сегодня вечером – концерт Эльзера, – вкрадчивый голос явно звал к тяге к целому букету дорогостоящих развлечений. – Если тебе не нужны деньги...

– Может, лучше разрезать? – От этого глупого вопроса Дим снова захотел намочить в штаны, впрочем, раздражённый ответ главаря принёс облегчение. – Ты что, хочешь купюры повредить?

– Ага, есть, – пальцы грабителя нащупали крышку, и, вызвав у жертвы болезненный стон, извлекли из тайника свёрток.

– Что здесь происходит? – Властный голос, похоже, принадлежал кому-то взрослому, а удостоверение, попавшее в поле зрения – несомненно, Полисрегуляру. Несмотря на то, что Дим, поклявшись в верности Льву Троцкому, Пополаму и Рготу, зарёкся обращаться в полицию, сейчас он бы с удовольствием принял от неё помощь. В конце концов, это их прямая обязанность – защищать порядок.

– Ничего, Тармьё, мы просто общались.

– Пройдёте со мной. Разберёмся. – Тармьё, несмотря на штатское, действительно мог оказаться переодетым полицейским. В любом случае, полупрозрачное поле диссемблера исчезло – его отключили. У Дима даже возникла надежда на то, что ему вернут деньги – и он попытался сообщить об этом Тармьё, – но его спаситель только отмахивался со словами «потом».

Они свернули в небольшой проулок и, спустившись по каменным ступеням в подвал, предстали перед мрачного вида вышибалой; узнав Тармьё, тот молча открыл бронированную дверь, пропуская в ярко освещённое, многолюдное помещение. Судя по количеству столиков, наличию бара, громкой музыке, льющейся из сокрытых в стенах динамиков, и курсирующим взад-вперёд официантам, здесь располагалось развлекательное заведение. Немало присутствующих – пьющих алкоголь, курящих кальяны, оживлённо болтающих о чём угодно, включая Революцию, и то и дело бессмысленно гогочущих – обладало изменённой внешностью – приживлёнными протезами или дополнительными конечностями и органами чувств.

Кое в ком Дим заподозрил инопланетян – по крайней мере, именно такое впечатление произвёл на него студенистый осьминог с ярко-лиловыми глазами, весом не менее двух центнеров. По шкуре осьминога то и дело пробегали световые импульсы, формировавшие затейливые разноцветные узоры. С окружающими это существо общалось при помощи лингвоскремблера, который переводил его язык – комплекс телодвижений, световых импульсов и секреторных выбросов – на *интерспейс*, которым пользовалась вся Конфедерация.

В центре внимания присутствующих, однако, находился пухлогубый мужчина средних лет, стоявший у одного из столов и произносивший что-то, видимо, являвшееся заранее заготовленной речью:

– Меня называют Королём Иррегуляров... Разве это правда? Да, я играю в «неэвклиду», но чтобы назвать меня Королём...

– Любопытная риторика. Он полемизирует сам с собой, ведь никто не называл нашего Га-Га Королём, – ехидно заметил мужской голос.

– Гаспар не знает, кто такие Короли, – многозначительно ответил высокий женский голос, принадлежащий, насколько мог судить Дим, девушке в то и дело включающем прозрачность платья. «Сутенёр и его проститутка, – сделал вывод Дим, – а Гаспар, или Га-Га – трепло и очевидный дурак».

– Да, меня долго здесь не было! – Гаспар смутился было на мгновение, но тут же вернулся к предыдущей теме разговора. – Но нужны ли нам Короли? Почему Президент игнорирует существование Иррегуляров? Нам нужны всеобщие демократические выборы, давно назрела необходимость внести изменения в законодательство...

Дим не слушал более, так как не знал и не понимал настолько сложных слов. Он решил сконцентрировать своё внимание на Тармье: тот всё-таки был взрослым и к тому же туманно пообещал вернуть ему деньги. Тармье, то и дело отвечая на приветствия знакомых, провёл Дима и шайку малолетних грабителей в комнату, отделённую от общего зала маленьким альковом.

– Тармье, кто это с тобой? – К ним подбежало членистоногое существо с огромным, как у скорпиона, жалом, угрожающе нацеленным, как показалось Диму, прямо ему в глаз. Вполне вероятно, это гигантское насекомое не обладало разумом, а управлялось дистанционно, при помощи имплантированных наносхем. По крайней мере, голос принадлежал не ему – звуки вырывались из подвешенного на шее динамика – такие же располагались в каждом классе Школы, и её выпускник, а ныне – пленённый курьер, сразу узнал этот прибор.

– Поймал шпану, которая ограбила посыльного Ргота. – Тармье докладывал кому-то, кто, судя по всему, не являлся полицейским начальником.

– Отними у них всё, пусть исчезнут. – Динамик отчаянно хрипел и трещал. – А вот лазутчика Ргота я бы с удовольствием допросил.

Тармье требовательно протянул ладонь – и главарь шайки, тяжело вздохнув, положил в неё плотно скатанные декретки. Полицейский вскинул вверх указательный палец свободной руки, словно ставил восклицательный знак или говорил: «Внимание!». Одна купюра из принадлежащего Революции рулона вернулась в жадную руку, ещё недавно сжимавшую страшный моледиссемблер. Мальчишки обменялись с Тармье улыбками – событие, показавшееся Диму дурным знаком – и немедленно исчезли с радостными возгласами.

Дим, заподозрив, что дело неладно, даже не успел высказать это, поскольку тишину алькова внезапно нарушил скрип и последовавший за ним странный шорох. Обернувшись, он увидел, что одна из стен съехала в сторону, открыв проход, ведущий вглубь подземелья.

– Пойдём, Шива не любит ждать.

Диму показалось, что он уже где-то слышал эти слова, видимо, от Пополама, когда тот знакомил его с Рготом, но тут же прикусил язык – обвинять Тармье в отсутствии оригинальности ему показалось излишеством, совершенно неуместным в столь непростой и чреватой осложнениями обстановке. Короли не любят ждать – таков закон Иррегуляров, и Дим прилежно изучал его.

Глава XI

Шива, главный конкурент Ргота, был его кровным врагом. Более того: их неприязнь уходила корнями в далёкое прошлое, ведь и отцы их, и отцы их отцов враждовали. Две династии королей криминального мира то заключали мир, порой даже скрепляя его браком, то вновь погружались в кровавую борьбу – и так уже более двухсот лет.

В настоящий момент обе группировки и их лидеры пребывали в состоянии войны. Шива, обвинявший соперника в нарушении договорённостей, поклялся уничтожить того любой ценой. Несмотря на то, что ему бросили открытый вызов, Ргот уклонялся от поединка, и сейчас, увидев его заклятого врага воочию, Дим понимал: такое поведение более чем благоразумно.

Шива был огромен: его рост достигал трёх метров, а сложение тела, обросшего буграми мышц, позволяло предположить, что его владелец – действительно божественного происхождения. На деле, конечно, всё объяснялось антигравитационной ванной, в которую Шиву поместили ещё зародышем, вследствие чего его тело росло, не будучи скованным силами тяготения. Мера эта, дополненная инъекциями гормонов роста, изменившими генетический код, привела к тому, что будущий Король со временем достиг поразительных пропорций. Кожа голубоватого оттенка была обязана своим необычным цветом ферменту, призванному, как поговаривали, придать равномерную окраску и нормализовать обмен веществ в частях тела, приживлённых уже после рождения.

В отличие от большинства людей, Шива был восьмируким – дополнительные конечности, заимствованные у доноров, пришили по обеим сторонам туловища. Чёрные волосы, завитые в косички, спадали на плечи. В этой причёске, по мнению Дима, более приличествующей женщинам, что-то поблёскивало – что-то, расположенное в самом центре героических размеров лба. Присмотревшись, он пришёл к выводу, что это – линза какого-то имплантированного прибора, а может, украшение.

– Интересует мой «третий глаз», да? Я слышал, у Ргота есть похожий, ультраинфразвуковой – от рождения. А я сделал себе искусственный – рентгеновский!.. Слышал о таком?

Дим был вынужден отрицательно покачать головой. Шива наклонился к разделявшему их столу, уставленному аппаратурой, все его восемь рук легли на столешницу, отчего он приобрёл сходство с гигантским пауком.

– Ты попался с наркотиками, парень. Если я сдам тебя в полицию – а Тармьё действительно полицейский, – судья присудит лет шесть... с химиотерапией. После химиокурса ты ни думать, ни справлять нужду нормально не сможешь.

Дим молчал, от страха побелев как простыня. Наконец, когда Шива скрестил четыре руки на груди, а пальцами остальных начал нетерпеливо барабанить по столу, стало ясно, что он ждёт ответа.

– Там была вода... Я нёс воду людям...

Уже произнося эти слова, Дим усомнился в их истинности. Когда присутствующие расхохотались, пришло понимание: Ргот изначально обманывал его.

– Там был жидкий *галлюпан* – от него видения правдоподобнее, чем реальность. Киссар дал тебе за него четыре пачки декреток, должно быть, Ргот собирался на эти деньги нанять убийцу, который расправится со мной. Но я оказался умнее.

Шива самодовольно расхохотался, и все, кроме Дима, присоединились к нему – в том числе и Киссар, чья перекошенная фигура виднелась в одном из углов. То, что история Ргота о жаждущих оказалась ложью, отнюдь не удивляло – всё в ней, если подумать, казалось неправдоподобным. Но разве может революционер спорить с Лидером, с моральным авторитетом? Четыре пачки! Дим знал, что «пачка» на туфанском жаргоне значит «тысяча», и, хотя он не очень хорошо представлял себе, сколько это, но от Воспитателей знал, что очень много, больше, чем они зарабатывают за год.

Прозвенел зуммер – он исходил из какого-то устройства на столе, которое тут же принялось извергать из своего нутра бесконечную бумажную ленту, причём весьма широкую, с напечатанными на ней значками.

– Факс! – Шива, бросив беглый взгляд на текст, тут же начал набирать на клавиатуре ответ, пользуясь пальцами трёх рук одновременно, в то время как его остальные руки то включали, то выключали остальные электронные устройства, загромаждавшие стол.

– Так что скажешь? – Шива даже не смотрел на него, его явно занимали вопросы поважнее.

– Дим! Диммор, – поправился незадачливый курьер. Имя, данное ему Пополамом, уже казалось оскорбительным.

– Что мне с тобой делать, Диммор? Убить, сдать в полицию – или?..

– Я помогу вам, Шива! Я хочу наказать тех, кто лгал мне, всем нам, революционерам – желаю наказать Ргота и его помощников! – Диммор научился этому приёму в Школе, и он всегда срабатывал, когда нужно было свалить всю вину на кого-то другого. Шива грохнул верхней правой рукой, самой мощной из всего ряда, по столу, едва не опрокинув жужжащие и попискивающие приборы.

– Какой всё-таки умный к нам пришёл парень! – Синеконский Король торжественно улыбнулся. – Ну что ж, ты отнесёшь моему другу Рготу послание – я даже верну тебе декретки, чтобы никто ничего не заподозрил. Однако для маяка придётся врезать новый тайник, подальше от предыдущего, ведь у лысого мерзавца пронизательный взгляд... Ну, может, на другую сторону не обратит внимания...

Сердце Диммора замерло – он с ужасом осознал неизбежность очередной хирургической операции.

Глава XII

С затянутых серыми тучами гейомских небес шёл обычный кислотный дождь, и пешеходы, укрывшись под одноразовыми полиэтиленовыми зонтами и накидками, торопливо бежали по тротуарам. Единственное исключение составлял каштановолосый подросток с непокрытой головой. Чуть прихрамывая, двойной агент, он же – наркокурьер, он же – выпускник Школы, неторопливо следовал по направлению к своей цели.

Шива организовал за ним наружное наблюдение, пригрозив пытками и мучительной казнью, если Диммор его сдаст. Фигуры этих шпииков то и дело мелькали рядом или на противоположной стороне улицы; мальчик, как ему и велели, делал вид, что не замечает их.

Вскоре он, безуспешно пытаясь подавить волнение, стоял у неприметного ангара, стенами и крышей которому служили листы оцинкованной жести. Вокруг ангара шёл забор из колючей проволоки, с жестяной же дверью, запертой изнутри на засов. Тут обитал Ргот, предатель дела великого Льва, подлец, на поверку оказавшийся заурядным наркоторговцем.

Гнев поднялся в душе мальчика, и он стал колотить в дверь. Прошло всего два часа – а Диммору казалось, будто миновала целая вечность – с момента, когда он вышел за пределы ограждённой этим забором территории. До чего же всё переменялось! Сейчас он уже не прежний наивный мальчишка, а исполненный желания отомстить пламенный революционер.

Открывай, Ргот! Он произнёс эти слова мысленно, продолжая выбивать дробь условного стука.

Несмотря на непродолжительное членство, Диммору уже было даровано право входить в штаб-квартиру с поверхности, и сейчас он пользовался этим правом. В локтевой кости его левой руки теперь размещался миниатюрный радиопередатчик – часть костного мозга удалили и в образовавшуюся полость вмонтировали электронную начинку. Необходимую энергию передатчик получал от привода, имплантированного в сухожилие – каждый раз, когда Диммор сгибал руку в локте, микроскопические колёсики и шестерёнки приходили в движение, генерируя электрический импульс.

Сигналы от радиомаяка, несомненно, поступали на приёмник, находящийся сейчас в одной из восьми могучих рук Шивы. Впрочем, зачем ему это, ведь за Диммором неусыпно следят? Мальчик устал ломать голову над этим вопросом.

Он заглянул за колючую проволоку. У ангара слонялось несколько Иррегуляров, будто бы поочередно роющихся в ближайшей помойке, а на деле охраняющих вход в тайную обитель великого Ргота. В одном из них нетрудно было угадать Кавониуса, а второй, судя по всему, являлся его всегдашним партнёром. Последний стоял на четвереньках, повернувшись к Диммору спиной, вернее, тем, что располагается пониже неё – он буквально зарылся носом в перевёрнутый бак с отходами. Неизменная розовая майка, сквозь дыры в которой просвечивало грязное, покрытое волдырями тело, однако, выдавала в нём Жука.

Наконец, Кавониус приблизился к двери и впустил Диммора.

На приветственный жест, заменяющий фразу «Всё в порядке», Иррегуляры не отреагировали, но, конечно, распознали сигнал. Диммор приблизился к ангару и дрожащими от волнения пальцами нащупал замаскированный дактилоскопический замок.

Дверь открылась; он едва скрывал ликование, входя в ангар. Война двух биотрансформированных лидеров близилась к концу – ей осталось длиться считанные дни, если не часы. Как уже было известно Диммору, Шива некогда потерял жену и детей от взрыва ядерной мини-бомбы, которую подложили лазутчики его смертельного врага. Рготу, в свою очередь, тоже перепало – однажды его ослепили вспышкой лазера, что привело к удалению глазных яблок и замене их оптическими устройствами.

Перед ним возник Пополам; гигант уже не внушал прежнего страха – в Ишкедоне водились богатыри и посильнее его, и мысль об их предстоящей встрече вызвала у Диммора – нет, пока маски не сброшены – Дима – злорадную улыбку.

– Полуметр? Почему так долго? – Чернокожая половина лица, нахмутив бровь, выражала подозрение.

– Нога болела, я не мог идти. – Подросток задействовал всё своё актёрское мастерство, стремясь вложить в умоляющий взгляд испуг и покорность одновременно. Пополам, казалось, «купился» на такую игру, и, ограничившись затрепачкой, повёл посетителя к Рготу.

Диммор, пытаясь поспеть за великаном, только теперь мог заметить, как все старорежимные атрибуты – да и сам титул Короля – противоречили идее Революции. Должно быть, ему просто пудрили мозги, рассчитывая на детскую доверчивость...

Властитель Канализации, как обычно, восседал на своём троне, блиставшем поддельным листовым золотом и драгоценными камнями. Голографическая корона, ещё одно украшение того же рода, венчала лысую голову – венец имел специальное отверстие для «третьего глаза», мозоля, выпиравшего из лба. Сейчас этот необычный орган восприятия наморщился, пытаясь увидеть в теле Дима некие пертурбации, которые могли возникнуть за время пребывания на вражеской территории.

Наконец, Ргот удовлетворился представшей его ультразвуковому взору картиной и обратился к Пополаму:

– Деньги. Четыре пачки.

Дим открыл тайник в бедре и протянул деньги исполину, приветливо подмигнувшему в ответ агатовым глазом матово-бледной левой половины лица. Улыбаясь в ответ, мальчик ещё раз согнул левую руку в локте.

– Радиосигнал! – послышался голос Модулера из ниши, где находилась аппаратура связи и слежения. Дим ещё раз незаметно согнул руку в локте – и словно окаменел под пристальным взглядом Ргота. Пальцы того впились в подлокотники трона, лицо побагровело и покрылось морщинами – казалось, король Иррегуляров совершает над собой титаническое усилие, пытаясь что-то разглядеть. *Что-то*, укрытое в локтевой кости левой руки Дима, которую он то сгибал, то разгибал.

– У него! В левой руке! Пополам!..

Дим, уже отбросивший всяческую маскировку, снова стал Диммором, лучшим выпускником Школы, который всегда с лёгкостью обставлял своих однокашников, годных только на то, чтобы стать спецстукачами. Он присел под протянутую руку Пополама и с лёгкостью ускользнул от того, скользнув по выстеленному металлопластиком полу. Продолжая играть в кошки-мышки с неуклюжим гигантом, он настойчиво сгибал-разгибал левую руку.

– Слабоумный пронёс радиомаяк! – бесновался Ргот. – Быстрее убей его, пока сюда не прилетела ракета!

При этих словах Диммор прекратил работать рукой, почувствовав, что его вновь обманули. Действительно, как он не догадался?! На мгновение мальчик замешкался, и этого оказа-

лось достаточно – длинная светлая рука настигла его, с лёгкостью подняв на высоту человеческого роста. Послышалось гудение клинка-моледиссемблера, приготовившегося оборвать юную жизнь...

К счастью для Диммора, Пополаму пришлось бросить его на пол – возникла опасность, непосредственно угрожавшая его чёрно-белой жизни.

Часть стены упала – в отверстие, образовавшееся после взрыва, тут же ворвалось, стуча членистыми лапами по полу, уже знакомое Диммору гигантское насекомое. Его смертоносное жало метнулось в сторону Пополамы – но тот был начеку! Единственный удар моледиссемблера лишил радиоуправляемую бестию её оружия. Послышался жуткий визг, из отрубленной конечности хлестала жидкость бледно-голубого цвета; Пополам рубил раз за разом, пока не покончил с чудовищем.

Тут же раздались несколько тупых, приглушенных звуков – стреляли из крупнокалиберного пистолета-диссемблера. Обливаясь кровью, гигант замер и, нечленораздельно булькая, рухнул замертво. Перед смертью он ещё успел остановить стекленеющий взгляд на своём убийце – коррумпированном Полисрегуляре Тармье.

Ргот, сыпля приказами, нажал на какую-то кнопку – его трон молниеносно свернулся, превратившись в мощный боевой скафандр. Иллюзорные позолота и бриллианты исчезли, уступив место грозным системам оружия. Ргот отнюдь не собирался сдаваться – участь покорных Судьбе отнюдь не для Королей! Он явно приготовился сражаться до последнего.

Когда в павильон начали входить бойцы Шивы, их встретил вихрь огня и направленных пучков диссемблирующего излучения. Один за другим они падали, сражённые Рготом, который сам оставался почти неуязвимым – лишь выстрелом, направленным Киссаром, ему разбило бронепластину, прикрывавшую живот.

Судя по болезненной гримасе, искривившей лицо повелителя Канализации, его внутренние органы также были повреждены. Сам Киссар, чью грудь разворотило ответным выстрелом, бессильно сполз по стене. Тармье, ругаясь на чём свет стоит, сперва попытался поднять мёртвого товарища – сейчас исчезла необходимость скрывать, что они работают вместе, – но тщетно. Перекошенные плечи Киссара безвольно поникли – ему уже не суждено было выйти на улицы родного города для осуществления очередного дерзкого преступления.

Тармье, закричав, словно его поразили в самое сердце, вскочил на ноги, потрясая моледиссемблером. Только теперь Диммор заметил, насколько они похожи – Тармье и Киссар, их рознило лишь телосложение, прихоть природы, возможно, ошибка врача, принимавшего роды, и возраст.

– Ты убил моего сына! – Ненависть, смешавшись с рыданиями, придала голосу Полисрегуляра необычайную силу и удивительный, чуть надрывающийся тембр. Мгновением спустя Тармье упал навзничь – Король Ишкедона раздробил ему голову единственным выстрелом.

Однако Ргот не мог сдержать нападавших в одиночку. Взрыв гранаты, влетевшей внутрь, потряс помещение до самого фундамента – Ргот отлетел в сторону, отброшенный взрывной волной. В проёме показалась фигура, которую трудно было спутать с кем-либо – сам Шива. Каждая его рука сжимала пистолет, клинок или гранату; увидев Диммора, он выругался.

– Идиот! Почему ты отключил сигнал? – с некоторым разочарованием спросил восьмирукий гигант. – Ну, ладно, мы и так их нашли, хотя самонаводящаяся...

Так и не закончив фразу, Шива открыл огонь из всех стволов – смертоносный шквал прошёлся по залу. Модулера разорвало на части, а Тик-Так, сражавшаяся наравне с мужчинами, пала, сражённая наповал. Наконец, Ргот, уже вставший на ноги, вновь вступил в бой. Шива, чьё верхнее левое плечо чуть не оторвало прицельным выстрелом, заревел и бросился на противника. Обхватив того всеми руками, он пристально смотрел Рготу в глаза.

– Ну, давай! У тебя – ультразвук, а у меня – рентген!

Недруги сплелись в один смертельный узел, шипящий угрозы и изрыгающий проклятия. В какой-то момент казалось, что Шива вот-вот победит, но прозрачное забрало шлема его соперника вдруг сдвинулось вверх, и лазерный луч ударил точно в глаз великану. Брызнула кровь, и Шива, ругаясь, на мгновение ослабил хватку – но лишь затем, чтобы трижды выстрелить из моледиссемблера в лицо заклятому врагу. Два мёртвых тела одновременно ударились о металлопластик пола.

Диммор встал и, отряхнув пыль, приблизился к месту, где только что разыгралась смертельная схватка. Подняв лежавший здесь же клинок – рукоять на удивление легко легла в руку, – Диммор почувствовал себя взрослым. Он заполучил оружие, способное дать силу, власть и богатство. Откуда-то неподалёку послышался стон, потом застонал кто-то ещё, вскоре и Шива, казавшийся практически неуязвимым, начал подавать признаки жизни.

Диммор посмотрел на датчик питания – меч ещё сохранял около двух третей заряда. Этого должно было хватить на то, чтобы позаботиться о раненых.

Глава XIII

Чинэль-Таблетка, не принимавший участия в сражении, находился у себя. Он просто спрятался – обычный трус, как и все интеллигенты. Когда мальчик, не выпускавший из руки моледиссемблера, заговорил с ним, Чинэль едва смог сфокусировать на нём свой взгляд.

– Привет! – Маленький человечек, насквозь пропитавшийся спиртом, исторг из себя мощный запах перегара. Его нос казался неоправданно красным и толстым, под глазами напухли мешки.

Диммор осмотрелся по сторонам. Лаборатория, которой не коснулись разрушения, продолжала жить в своём ритме. Забитая приборами и причудливыми ёмкостями с замороженными биообразцами, кипящей жидкостью или газом, она, казалось, совершенно не изменилась со времени его первого визита.

Сколько же за это время случилось событий! Даже не верилось, что это всё произошло наяву – и именно с ним, с Диммором! Видимо, он по праву считался лучшим выпускником Школы последних десятилетий. При мысли о Школе Диммор вдруг вспомнил Френни.

Френни, пышущая здоровьем молодая тёлка с начинающей оформляться грудью и мутным, словно требующим секса, взглядом! Старше на пару лет, и заметно превосходящая Диммора размерами, она, тем не менее, училась в младшем классе – то ли по причине крайней отсталости, то ли из-за родственных связей, позволявших оставаться на государственном иждивении неоправданно долгое время. Из-за постоянных видений, последствия родовой травмы, Воспитатели называли её Шизофрент, сокращённо – Френни. Диммор пытался завести с ней более близкие отношения, но девушка предпочитала брать сладости у персонала, называя их «сатинёрами», непонятным ему тогда словом, которому учеников не обучали.

Сейчас, обладая оружием, он мог многое исправить в своей судьбе.

Чин, или Чинэль, увидев в руке Диммора моледиссемблер, моментально освоился с новой формой организации власти и согласился стать помощником молодого владыки Канализации. Вместе они осмотрели останки погибших, из которых тело Шивы оказалось относительно целым.

– Ты можешь пересадить мой мозг в его череп? – спросил Диммор. В ожидании ответа он слышал каждый удар собственного сердца.

Чинэль скривил губы и пожал плечами.

– Тут нет ничего сложного. Правда, его физиология отлична от твоей, и это серьёзно повлияет на мышление – разве что поставить пару чипов со стабилизирующими программами...

Бормоча себе что-то под нос – картина эта любого непосвящённого наверняка убедила бы в безумии Чинэля, – учёный принялся шагать взад-вперёд по лаборатории. Наконец, хлопнув в ладоши, он обернулся к Диммору.

– Сделаю! – Сияющая улыбка Чинэля казалась вполне искренней, и мальчик решил, что ему можно верить.

– Если хочешь...

– Что, Таблетка?

– Я могу сделать тебя умнее, ты будешь – ну, как все взрослые...

Диммор расхохотался. Он уже знал, как устроена власть – это всё та же женщина, вроде Тик-Так или Френни, отдающаяся заряженному диссемблеру.

– Нет!

Глава XIV

Когда восьмирукий титан вышел из разгромленного ангара в город, над Туфой властвовала бархатная ночь. Проходя мимо ближайшей помойки, он обнаружил там два трупа, уже почти целиком обглоданных мутакрысами.

Он ни за что не остановился бы, но взгляд его всё же скользнул в сторону. Розовая майка, от которой остались одни ключья, указывала на то, что одним из мертвецов являлся Жук; во втором угадывался его неразлучный приятель, Кавониус.

Диммор лишь улыбнулся этому зрелищу и прошествовал дальше. Путь власти вёл в кварталы Ишкедона, где у того, чьё тело он взял себе по праву сильного, ещё оставались сторонники. Их предстояло собрать, вооружить – и повести на штурм Школы.

Рассвет он встретил уже у ворот данного привилегированного учебного заведения – и превратил его в дымящиеся руины, потому что Власть всегда такова, а он – Король, и та, что стала его единственной женщиной, в ответ на вопрос, как её зовут, испуганно сказала: «Френни».

С годами благоговение и суеверный трепет перед его силой принудили многих гордецов склонить головы, и, когда в Туфе вспыхнуло восстание, его возглавил тот, кто был наречён на такое великое деяние изначально. Он сменил имя на более зловещее – Моррид, и никогда и никому, за исключением единственного случая, не говорил, как его звали раньше, как и не делился открывшейся ему однажды тайной власти.

Глава XV

Куакен, сотрудник Государственной Специальной Службы Гейомии в специальном звании подполковника, в который раз осмотрел переполненный конференц-зал. Помещение, любезно предоставленное собравшимся одним из правительственным учреждений, было рассчитано на более чем пятьсот сидячих мест, и ни одно из них не осталось свободным. Люди, а также гуманоиды – и даже некоторое количество негуманоидов – толпились в проходах, возбуждённо жестикулируя и споря о том, кто из них по какому праву здесь находится.

Большинство присутствующих являлись деятелями искусства и аккредитованными журналистами; были здесь и общественные деятели, не считая вездесущих сотрудников Специальной Службы Гейомии, сегодня подчинявшихся непосредственно Куакену.

Куакен, чей тренированный взгляд то и дело отмечал небольшие вспышки недовольства, интрижки и провокации, единственным мановением руки или даже движением брови направлял туда одного из своих подчинённых. Словно голодные собаки на кость, те набрасывались на проблемы – неожиданно сближались с самыми разговорчивыми и вдруг жёстким, не терпящим возражений тоном ставили неудобные, *специальные* вопросы. Те производили едва ли не магический эффект: опрашиваемый вдруг временно терял дар речи, а затем долгое время приходил в себя, будто от полученного удара.

Только специально подготовленные – ГССГ или же инопланетными разведками – люди отвечали без запинки, впрочем, им вёлся *специальный* учёт, обычно же всё происходило иначе. Молчание, сменяющееся замешательством, постепенно переходящим в страх – и медленное отступление. Затем – напряжённые, продолжительные раздумья, связанные с последующими затруднениями. Затруднения эти в самое короткое время случались на работе, по месту

жительств и в семье, являясь неотвратимым наказанием. ГССГ умела контролировать непокорных, поскольку повсюду содержала агентуру, сотрудничающую постоянно, регулярно или же от случая к случаю.

Куакен, недавно произведённый в подполковники, знал всё, что думает по поводу эффектов, производимых *спецвопросами*, каждый из собравшихся и народ Гейомии в целом.

Распространённым считалось мнение – его распространял один из отделов Службы, – будто ГССГ привлекает медиумов и гипнотизёров. Кое-кто из «знающих тайны» ГССГ поговаривал, что речь идёт не о гипнозе, а об умелом манипулировании поведением подозрительного лица, осуществляемом при помощи группы подставных собеседников. Те якобы – а Куакен знал наверняка, что именно так всё и обстоит – размягчали психику «подозрительного», уже пребывающего в «сером», а то и в «чёрном» списке, предварительным разговором, и, когда ему вдруг смотрел в глаза всезнающий «спец», он терял способность к сопротивлению и порой даже не мог вспомнить собственного имени.

Все эффекты основывались на тонком знании психофизиологии. Металлические нотки в голосе «спеца» уже сами по себе свидетельствовали о том, что в биографии человека что-то нечисто, и подозрительность эта и тревожность – немедленно передавались всем окружающим. Несчастный в мгновение ока оказывался окружённым кольцом негативной энергии, сжимающей его подобно невидимому обручу. У некоторых в такие моменты не только учащалось сердцебиение – даже если сердце было больше, чем одно, – но и перехватывало дыхание, словно пресловутый обруч существовал в действительности и висел у них на шее.

Люди, неоднократно видевшие, как работают «спецы», утверждали, что были свидетелями дыхательных спазмов и даже инфарктов со стороны несчастных, которым задали *спецвопрос* в подобных обстоятельствах. Подобные истории порождали многочисленные слухи и сплетни – обычно их источником являлся уже упомянутый отдел «скрытого общественного информирования ГССГ» – о применяемом «спецами», или, как их называли недоброжелатели, «спецслужбами», тайном оружии, которое способно незримо воздействовать на подсознание собеседника, и о наличии у них сверхъестественных способностей.

В последнем случае разговор – а сплетничают обычно навеселе или хотя бы за сигареткой, – вдруг переходил на пониженные тона, пока кое-кто, приняв позу, свидетельствующую о гордости за родную Гейомию, не утверждал авторитетно, что всё дело в кадровом отборе. Действительно, отбор в госслужащие, которые получали заработную плату, пищу, воду и развлечения по утверждённому централизованно плану-графику, отличался невероятной строгостью – и всегда давал преимущество рекомендованным лицам. В ГССГ же отбор и вовсе не проводился – все должности являлись наследственными (государственная тайна).

В большинстве случаев граждане, относившиеся к так называемым широким слоям населения – Иррегулярам, – вообще не подозревали, что существует какой-то отбор в какие-то службы, о которых они и слухом не слыхивали, а те, кто хоть что-то прознавал, немедленно попадали под подозрение Специальной Службы.

Подозрение, для начала именуемое «проверкой личности и поведенческого стереотипа», постепенно превращалось в официальное подозрение в шпионаже и подготовке мятежа, если Иррегуляру или Регуляру из низших каст не хватало ума остановиться и прекратить бесполезные расспросы.

В конечном итоге, наиболее упорные могли добиться формального ответа, в котором указывалось, что отбор на государственную службу осуществляется в результате многофакторного анализа, включающего происхождение, генетический код и социальный статус кандидата. Те, кто умел читать, понимали: должности переходят по наследству. Для тех же, у кого имелось свойство быть чрезмерно настойчивым, текст содержал дополнительный абзац: *«Методики отбора кандидатов, а также проводимые ответственными органами профильные проверки профессиональной пригодности являются государственной тайной, доступ к которой*

предоставляется при наличии соответствующего допуска. Попытка овладеть информацией, составляющей государственную тайну, относится к тяжким преступлениям и карается, согласно статье 1, пункту 855 Уголовного кодекса Гейомии, исправительными работами на срок от десяти до ста двадцати пяти лет».

Куакен улыбнулся собственным мыслям и вернулся к проводимому мероприятию. Из зала уже были выдворены немногочисленные лица из «чёрного» списка, а те, кто находился в «сером», либо последовали за ними, либо «обелили» себя; в последнем случае вокруг них формировался иной тип кольца, именуемый «голубым» – потенциальную агрессию «серого» сковывали физически, вербально и мимически. Грубо говоря, их плотно сжимали в толпе и занимали разговором, насыщенным улыбками и возбуждающими прикосновениями представительниц/представителей противоположного или того же пола, в зависимости от вкусов.

Вообще, считалось, что террорист, человек с ярко выраженным *мортудо*, инстинктом убийства, не сможет спокойно пребывать в «голубом кольце» и неминуемо утратит самоконтроль, настолько сильный генерировался позыв к его *либидо*, половому влечению. Именно знание психологии и выступало, как уже подчёркивалось, надёжным фундаментом поразительных успехов Специальной Службы. Умноженное на количество сотрудников и информаторов, а также на количество приборов внешнего наблюдения, оно составляло весьма внушительную величину, используемую для исчисления так называемого *коэффициента влияния*.

Коэффициент влияния, показатель прочности власти, исчислялся как соотношение количества социо-бит информации, производимых Специальной Службой, к общему количеству социо-бит, производимых социумом. Коэффициент наблюдения (процент отслеживаемых социо-бит), если он составлял значительную по сравнению с коэффициентом влияния величину, свидетельствовал о снижении контроля над социальными процессами. В таких случаях руководство Специальной Службы обычно с позором вышвыривали на улицу.

Сегодняшнее мероприятие относилось к так называемому третьему уровню обеспечения безопасности («Выступление лиц, обладающие значительным социо-влиянием; категория «Иррегуляры», подкатегория «Инопланетяне»); ему присвоили, по отнюдь не редкому совпадению, третий же уровень социо-возбуждения («Событие, не представляющие непосредственной угрозы обществу, но привлекающее потенциальных мятежников»).

В целом, ГССГ справилась со своими задачами, и никаких срывов не намечалось.

Куакен решил в который раз проверить показания постов контроля взрывчатых веществ, металлодетекторов и энергоисточников – пять минут назад, если верить им, в зале не было ни бомб, ни моледиссемблеров, ни плазмомётов.

Подполковник ГССГ мысленно произнёс кодовое слово, заложенное в его подсознание при помощи психотерапии, вызвав тем самым мимолётную судорогу мышц правой ягодицы. В результате был активирован соответствующий участок коры головного мозга, что привело в действие подсоединённый к этому скоплению нейронов наноскопический передатчик. Вживлённый непосредственно в мозг Куакена ещё до рождения, когда тот пребывал в утробе матери, передатчик подчинялся командам, отдаваемым всё тем же подсознательно-судорожным способом.

Поиграв дельтовидной – икроножной – широчайшей мышцами спины – и ещё десятком мышц помельче, Куакен вызвал размещённые то тут, то там системы слежения. Благодаря им можно было незримо присутствовать в самых отдалённых закоулках здания.

Всегалактическая знаменитость в это время находилась среди сотрудников национальной компании голографического вещания. Вокруг потомка выходцев с Гейомии толпой хлопотали визажисты и стилисты, наводившие последнюю ретушь на лицо, которое десятилетия пьянства и курения превратили в подобие несвежего, отёкшего фрукта. Действительно, Роже Ле Саж выглядел скверно: скорее, высохший, нежели худощавый, с более чем заметной лысиной на

внушительном, подтверждающем наличие у своего владельца незаурядных умственных способностей, куполе лба – в общем, этот изношенный развратник никак не внушал восхищения.

Тем не менее, Ле Саж пользовался репутацией выдающегося писателя, и на многих планетах Галактической Конфедерации зачитывались его романами. Несомненно, оппозиция, вызревшая в среде Иррегуляров и в некоторых Регулярных кругах, постарается использовать визит Ле Сажа в своих интересах. Но для того и существует ГССГ, чтобы все события проходили под контролем правительства и приносили ему приоритетную пользу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.